Olga Kawecka

The White Flower by the Dark Stream

Olga Kawecka

The White Flower by the Dark Stream

2026

Olga Kawecka, *The White Flower by the Dark Stream*

Published by Pechatnya (Tver)

The White Flower by the Dark Stream is a novel based on real events, which happened in England in the 1860s. A lonely youth meets a beautiful young stranger. “Algar pushed aside the branches of a weeping willow, which hung over the path leading to the river, and stood still in enchantment…” The young men fell in love with each other. One day they set forth to explore an abandoned monastery. In that gloomy ancient building they discovered what disturbed their idyll…

ISBN 978-5-6054739-3-0

Text, translation, design, and layout copiright © 2026 by Olga Kawecka

IN ENGLISH

PART I

I

Algar pushed aside the branches of a weeping willow, which hung over the path leading to the river, and stood still in enchantment.

A few steps away from Algar, upon a white towel spread on the fine sand, a youth of his own age lay in a graceful pose. He was of average height and so delicately built, as though the gentle lines of his body were created by music. The regular features of his thin face indicated his noble origin; his skin was smooth and white like a lily in dawn rays; his long, thick and wavy hair had that exquisite golden hue which one can see in frescoes by Fra Angelico.* The youth lay on his back, his right hand was put under his head, his left leg was bent at the knee, and his eyes were closed. It seemed that he did not belong to this world – was unaware of it – and listened relaxedly to the music of over-worldly beauty whence he himself had come.

Algar gingerly released the branches and knelt, beholding the scene through a little gap in leaves. He completely forgot his intention to bathe – forgot all – and only contemplated the harmony revealed to him, with bated breath, as though the slightest movement could dispel it.

At last, the youth opened his eyes, smiled contentedly and, getting up easily, went to the water, which seemed warm and pleasant. Entering it cautiously, he

* Fra Angelico (ca 1395 – 1455) – an Italian painter.

took a few steps and then, with the confidence of a good swimmer, gave himself up to the stream. Algar waited a little, whereupon he rose and came carelessly out on the bank.

The river was narrow and calm, yet deep in some places. On the other bank hills, overgrown with sparse bushes, sloped gently; over the water silvery willows leant, hiding forget-me-nots in their gossamery shade. Along both banks grew white water lilies, which appeared especially pure in contrast with the dark water.

The youth, still unaware of Algar's presence, was swimming unhurriedly towards the other bank. Algar, with a trembling heart, undressed and entered the water somewhat hastily. The gentle current embraced his body, and he, having calmed down a little, turned over onto his back, waiting for the stranger. Who was he? Had he come only to spend that summer, or had he transferred to the college where Algar studied? There was something unique in that youth. He had a special charm – the charm of fragility and confidence, like angels who announced glad tidings in old paintings. Algar compared him with his classmates, who were awkward and noisy; he recalled their primitivity and his loneliness in their company...

"It is a lovely day, isn't it?" a gentle voice was heard near Algar. He started in surprise and turned round. At a distance of two metres from him there was that youth. Keeping afloat effortlessly like a lily, he gazed lively at Algar. His big eyes had a wonderful greenish-blue colour similar to the haze formed by a sea and the clear sky in their blending on the horizon.

Algar was confused. Being rather shy, he felt, as though it were not a pair of eyes that watched him, but the whole firmament. However, it was strange to be

silent, and Algar, overcoming his embarrassment, uttered light-heartedly: “One could only dream of such a day – especially during this winter.”

“Perhaps, this winter was very boring for you,” the stranger supposed, luxuriating in the water.

“Yes, it was. Studies – and nothing else,” Algar murmured and, not wanting to continue, asked: “Is it good on the other bank?”

“It is very good!” the youth replied and suggested cheerfully: “Let’s swim there!”

Algar agreed readily. He had often swum across rivers with other boys. He had striven to outdistance them and to achieve the goal first, as though something pleasant had awaited him; and he had hastened, struggling with the stream and his weakness (his health was delicate). Reaching the bank, he had forced himself to come out of the water, and then he had lain down in exhaustion like a wounded yet triumphant hero. Now all was different. Any competition with that youth seemed inappropriate – even inadmissible; moreover, Algar felt a vague and unfamiliar desire to give in to him.

Near the bank Algar was embarrassed again. He had bathed in the nude with other youths, and he had not been bashful at all, as well as others’ nudity had never drawn his attention. All had been ordinary. Now coming out of the water was similar to disclosing a secret: he was shy. He glanced helplessly back at his clothes left on the other bank, paused a little, blushed, sighed inaudibly, then he pulled himself together and stepped on a sunlit narrow strip of soft sand. Farther, in the shade of a willow, there were small red flowers interspersed with white ones. Rejoicing at the chance to occupy himself, Algar approached them and went

down on one knee, with his back to the stranger. He felt easier.

"What is interesting there?" his new acquaintance wondered, settling upon the sand.

"Nothing special," Algar replied, examining fragile inflorescences; "Only some flowers, the name of which I do not know."

"Perhaps, you love flowers, don't you?"

"Yes, I do," Algar admitted and added hastily: "I understand that this is ridiculous."

"Ridiculous?..." the youth repeated with surprise. "What ridiculous can be in admiration for beauty?"

Persons, whom Algar was acquainted with, thought differently. He turned round. The youth sat, leaning his hand on the sand, and looked intently at Algar. In the calmness of his gaze, in the easiness of his pose there was not a shadow of shame. And could he feel ashamed if his beauty surpassed all that surrounded him?

"Of course, there is nothing ridiculous in this," Algar whispered, gazing at him, enchanted.

II

The name of the youth was Gracien;* he was sixteen years old. His family had moved to England from Normandy two years earlier.

"Do you like this country?" Algar asked him, lying

* A French name pronounced as [Grah-s-'en]. It means "grace."

on his back on a spread towel, with his arms behind his head. Gracien, who lay in the same pose beside him, thought a little, whereupon he uttered: “This country is beautiful. However, I have not become accustomed to it yet.”

Algar was astonished: “You have lived here for two years, but you have not become accustomed to it?...”

“In that land all was mine,” replied Gracien softly. He closed his eyes and, without waiting for questions, began to tell – in a low voice, thoughtfully, as though he spoke to himself:

“We lived in a big house surrounded by a garden. My room was on the first floor, facing east. Under the window there were apple trees. In May they changed into white-and-pink clouds. I liked admiring them at dawn, when the sun did not rise yet and the sky was limpid blue. White-and-pink flowers, the clear sky, nascent sunbeams in the east: all was so pure... Beyond the garden meadows stretched, and in those meadows there was a hill with the ruins of a medieval castle. I often visited it. I imagined that the castle had once belonged to a knight – a young, noble, lonely knight... I believed that his spirit lingered there: I visited *him*. Of course, all this may seem very strange... I feared that someone would discover why I went there, and all would end, as though someone’s intrusion could destroy what I created. Therefore, I visited the castle secretly. It was a special pleasure to climb out of the window at dawn, to walk gingerly through the garden (although there was no one there at so early an hour) and then to run across the meadows, hastening to meet my knight. I believed that he was waiting for me. He was very lonely, for his world had been destroyed: there remained only the ruins. Only the ruins...” Gracien

repeated sadly. He fell silent and half rose, leaning himself on his elbow.

Algar, looking at him, was waiting for the continuation. Gracien thought a little and then began speaking again:

"Thus, hastily, I came to the castle. Its walls seemed to be the border between our worlds, and I entered the building with excitement. I entered it through a gaping doorway: the doors had vanished long ago, and there was but a gap in the massive walls. I went in and stopped. 'I have come,' I whispered to him, and he appeared..."

Algar gave Gracien a surprised glance. Gracien met it and smiled faintly:

"It happened in my imagination. I almost saw him. He arose at the end of a dark corridor, where light fell through a hole in the roof. He arose out of the light... And I rushed to meet him, and he greeted me gladly. Then we wended our way to a hall. Its roof had fallen; wild roses bloomed everywhere; near a wall there was a stone bench – it still stood there... We sat down on it and conversed. I spoke of my life and asked him to tell how he had lived." Gracien lapsed into silence again.

"What did he tell?" Algar wondered, fascinated with the story.

"He told about battles and victories. He told how the enemy had once approached his castle, and there had been a combat – a dreadful combat, in which many warriors had been slain." Gracien lowered his eyes and knitted his brows, as though trying to recall the events which he was narrating. "In that battle all his friends had perished." His voice sank to a whisper. "He had buried them at the same place and had stayed to guard their ashes forever."

“But they became ghosts, too. Why was he lonely?” Algar asked in perplexity. Gracien smiled gently.

“I wanted him to be *alone*,” he explained.

“Why?” Algar did not understand him.

“For I was alone,” Gracien said light-heartedly and sat up. He put his left hand upon his left leg bent at the knee and directed his darkened gaze into the distance, as though he hoped to see something there. Algar was waiting. The things told by Gracien were strange yet comprehensible.

“Were you taken away *from him*?” Algar uttered in hushed tones, looking at Gracien.

“Yes, from him...” the youth replied with secret sadness. “I missed neither our house nor garden nor what is called ‘homeland,’ but those ruins where my imaginary friend lived.”

“You could take him here,” suggested Algar concernedly. “In this country there are plenty of castles.”

Gracien glanced at Algar and laughed softly at his seriousness.

“These castles are different,” he said. “Besides, they are rather far away from the city.”

Gracien kept silent for a while and then murmured: “I wonder whether he existed in reality.”

Fear seized Algar. “Suppose he did not,” he whispered. “Suppose the one whom you considered to be real was completely imaginary.”

“I did not ponder over this at that time.” Gracien reclined. “Sometimes it is good not to ponder over...”

III

The youths spent the whole evening together, alternating conversations with bathing; and only when the darkness veiled the river, they realised that they had to go home. Gracien, with his characteristic ease, suggested to meet at the same place the next day, and Algar agreed gladly. Only at home, after he refused dinner and locked himself in his room, he remembered in horror that he had not asked Gracien's address. What if Gracien would not come?...

Algar did not want to lose Gracien: never before had anyone shown interest in Algar. All his friendships had been but a diversion for his acquaintances – a possibility to spend time if there had not been anything more amusing. Friendship had been easy to form and easy to break: it had not been a necessity for his so-called friends. Lying on the made bed, Algar recalled his only reciprocated attachment, to a boy, at the age of ten:

Every school day they returned from school together and took leave of each other near the house of one of them. Algar's parents did not allow him to invite his friend. "He might break the chinaware!" they said with horror. "We shall behave well," Algar promised and looked pleadingly at his parents. "Children are children: they might run against something, overturn it, break it..." "We shall be ve-e-ry careful!" "No!"

No wonder that Algar conceived hatred against outward gloss, which not only was useless, but also deprived him of joy. Therefore, when he broke a vase made of the finest porcelain, he felt a strange exultation, as though he had destroyed some evil. "It was so expensive! So expensive!..." his mother's laments

sounded through the door of the sitting room. “It was a fortune! And – in one movement – into smithereens!...” Algar, left without dessert that evening, smiled impishly with satisfaction.

Perhaps, the same reason hindered him from visiting the house of his friend. At least, he believed it; and his dislike of luxury was increased by his longing for his friend, whom he met only at school. Returning home, he would lock himself in his room and would weep inaudibly, as though he had seen his friend for the last time. Toys, which he was showered with, and books bought as soon as he showed that he wanted one or another – all this was needless and boring for him alone: all was revived only by the presence of a friend.

Algar did not know how his friend regarded him, nor did he try to learn this: their friendship was still intuitive, and his affection came from a depth unfathomable to him himself. The only comprehensible thing was his need for that person: it was natural and did not require explanation.

But then it required expression. One day, shortly before his friend’s birthday, Algar solemnly broke his money-box, which he had filled for two years, gave the saved money to his father and asked him to buy “the best book in the world,” for it was meant to a friend. “A good present will make others have a high opinion of our family,” his father thought and purchased a gorgeous collection of stories about remote countries and wonders of the world, in a gilded binding and with exquisite engravings. Algar could not tear himself away from such a treasure all evening: to him, it indeed was the best book on earth. He was leafing through it reverently, as though he touched some-

thing sacred, and he delighted in imagining the joy of his friend. Joy was what he wanted to give.

The next day Algar went in (or rather entered solemnly) the house of his friend, with his precious gift in his hands. In the house everything and everyone was festive – the sitting room shining with bronze and cut-glass ware, the mother garbed in an elegant dress with black lace, girls in white frocks, serious boys in neat suits... The centre of the celebration was his friend, who tried to seem adult and earnest. Algar was overwhelmed with excitement when he was uttering words of congratulations; his hands were trembling as he was presenting the book wrapped in crackling paper; his friend glanced at it with genuine interest, making Algar happy... Then... "Is this a book? Thank you," and it was added indifferently to the pile of gifts on a sofa.

Algar was scarcely able to wait for the end of the celebration. Returning home, he suddenly burst into tears before his parents. "It has not impressed him," he had murmured, sobbing. "It has not impressed him at all." "What? Whom?" his parents asked him, perplexed by Algar's uncharacteristic behaviour. "It has not impressed him..." he continued to weep, not paying attention to them. "My gift has not impressed him." "Ah, what is the cause of your sorrow!" His mother smiled condescendingly, and his father patted him on the shoulder: "Of course, you wanted to make an impression. But someone has given him something more valuable. It is natural." Algar was astonished. Something more valuable than affection?... Did his parents – adults – not understand what saddened him?

So insignificant were relationships in the world known to Algar. A fleeting interest, polite attention,

formal compliments – all this was but a surface with nothing underneath. Neither children nor adults comprehended Algar's feelings, nor did they understand his need for a friend. What he considered natural turned out to be his peculiarity – the guarantee of loneliness unbearable for him.

Gracien seemed different. Algar rose and came up to the window. The garden, motionless in the still air, was already dark, but the sky kept light like a reminiscence of the foregone day. That day something important had happened, and a joyous feeling of novelty filled Algar's soul.

Settling upon the windowsill, he imagined Gracien as he had lain on the bank – fragile and beautiful like a flower brought by a river from an unknown happy distance, and Algar's heart fluttered with joy. That unfamiliar excitement was very pleasant, and he, desiring to prolong it, began to recall all that had happened near the river. After the despondent routine of his existence full of studies, reading and lonely walks (he had gradually become alienated from all his acquaintances), the events of that evening seemed a miracle. Evoking Gracien's image again and again, Algar even began doubting the reality of their meeting. Perhaps, it was a vision similar to those occured to monks contemplating heavenly things in the ecstasy of asceticism? Had that wondrous youth indeed been with him? Algar could scarcely believe that he would see him tomorrow.

And the youth would see him... What would he see? Algar jumped off the windowsill, lit a couple of candles and positioned them so that they illuminated the space to the right of the door where a large mirror

in a plain frame hung. Thereafter he looked at his reflection. From the vague depths of the mirror, a comely young man gazed at him – not tall, slender, with proud deportment. He had a pale face with chiselled features, big dark eyes, thin slightly-curved brows, a noble straight nose, full pink lips, and a gentle jawline. Thick brown hair fell along his clear, high forehead. Algar turned to examine himself from the side, adjusted his hair, looked at his delicate hands, glanced over himself once more, and was rather pleased.

He recalled Gracien again. How beautiful that youth was! Blowing out the candles, Algar returned to the windowsill. He thought about his new acquaintance with amazement. Gracien was one of those charming youths who were visions of over-worldly beauty, which was neither male nor female, but angelically-free from sex – the supreme beauty possible for humans. It had been attracting Algar irresistibly since he had felt the insistent desire to love, and it was the object of his incessant languishment blended with his yearning for Life.

"With his yearning for Life": he felt that beauty had something life-giving – a key to eternal existence. The subconscious confidence in the latter was as natural to his sensitive essence as the feeling of life. Owing to his age, he rather felt than understood, and the Universe was more a mystery than reality, but the awareness of that mystery gradually led him to its disclosure. He ought only not to go astray, mistaking the false for the true or the true for the false. This required independence, which Algar could not possess yet, although he believed that he possessed it. His pure impressionable soul was open to many influences – those of his favourite writers, music, nature, loneliness... The latter was

the main one. It formed the core of his personality, made him feel more keenly, led him, and, perhaps, was to save him from a wrong step someday... It was his suffering; yet thanks to it, Algar had learnt to appreciate human beings. If he had not been lonely, would he have been able to understand how noble and pure Gracien was? Would he have been able to perceive Gracien's beauty as he perceived it now? His loneliness was a guiding force, but it could change into a force that would destroy him. Algar desired deliverance from it. Gracien seemed such deliverance.

Algar rapturously imagined him again: he imagined his thin expressive face, the delicacy of his lines, his gentle grace, his melodious voice, sounding sometimes cheerful and clear, sometimes soft and enchanting... All this was united by warmth into a sunny being, affectionate and sincere. It seemed that Gracien was a reverie – Algar's reverie, which had come true. It had been he whom Algar had been longing for. It had been he whom Algar had called at night, awakening himself with the sound of his own voice. "Gracien! Gracien!..." Even his name was uncommon and full of languishing, joyous reminiscences of a summer, which had been long ago and somewhere afar off...

Algar sat upon the windowsill all night long, and only at sunrise he went to bed, tired with happiness.

IV

In the evening Algar went to the river. Walking across blooming meadows under the cloudless sky, he

was overwhelmed with joy and desired to tell about it to meadows, flowers and the sky in order that they would sing with their harmony the one whose charm surpassed all the beautiful things known to Algar. He himself wanted to sing and began to recall airs from operas, but they seemed inexpressive. He remembered his favourite church hymns, but they appeared awkward. He tried to hum something of his own poems (he had been writing poetry from the age of fourteen), but they were inappropriate for the occasion. Therefore, he simply gave himself up to his exultation, which seemed to open secret sources of a new and everlasting life within him.

As Algar approached the river, he walked slower and slower. When he reached the branches hanging across the path, where he had contemplated Gracien the day before, he stopped in hesitation. Timidity seized him, as though he were standing at the gate of a sanctuary, dreading both the presence of a divinity and its absence. He lingered a little, pulling himself together, and then impetuously pushed the branches aside. Gracien lay upon the sand. He was in the same graceful pose, but dressed in a white shirt and brown trousers. Having seen Algar, he jumped to his feet, smiling affably.

"I did not expect you to come so early," he uttered cheerfully, stepping towards Algar.

"Perhaps, my watch is running fast," Algar replied shyly, going out to the bank. He did not dare to look at his friend.

"This is very good, for I was somewhat bored to be alone here," said Gracien light-heartedly. His ease calmed Algar. However, he did not know what to say. Gracien, as though understanding this, suggested:

“Let’s bathe first, and then we can talk about something.”

Algar felt a sense of relief. He agreed gladly and began to unbutton his shirt – deliberately slowly, wanting to watch Gracien stealthily. His friend stood with his back to him. He unhurriedly took off his shirt and trousers, put them neatly on the sand, entered the water gingerly, and then sank contentedly into it. Algar soon joined him.

“Mm, what delight!” Gracien purred, keeping afloat on his belly. “Sometimes earthly things are as pleasant as heavenly ones.”

Algar, swimming near Gracien, glanced at him in surprise. Gracien gazed into the water, which was gloomily-dark.

“I wonder what is at the bottom?” uttered Gracien thoughtfully.

“At the bottom?” echoed Algar. “Nothing special. Stones, mussels, and underwater plants.”

“And something else...” Gracien said in a mysterious voice. “Maybe, under me there is treasure, which sank long ago. Gold, silver, and precious stones...”

“Treasures lie in seas,” replied Algar indifferently.

“Well, if there is no treasure there, then perhaps there is a drowned person,” supposed Gracien lightheartedly.

Algar shuddered. “What strange thoughts occur to you!” he murmured.

Gracien continued without listening to Algar: “He lies there and looks at me as I do at him. But I do not see him through the water – this pleasant water – and therefore I think that he does not exist.” The voice of the youth became strangely serious. “Thus one thinks that there is no death when one is happy.”

V

Coming out of the water, the youths lay down on the spread towels.

"Tell me something about yourself," asked Gracien. He lay on his belly beside Algar, with his chin upon his hands, and looked at him thoughtfully. "Last time you did not tell me much, but you certainly had something noteworthy in your life."

Algar turned over onto his belly.

"My life was uneventful," he uttered, slowly pouring some fine sand out of his hand. "Studies, books, walks... The same activities every day." He wanted to be silent.

"Did anything not enthral you?" Gracien was astonished. "How can anyone live without any passion?"

"I have a passion." Algar smiled shyly. "I write poetry."

"Indeed?" Gracien half-rose. "This is wonderful! How long have you been writing poetry? About what? Can you recite anything for me?"

Algar looked at him with gratitude.

"I have been writing it for two years. My first poems were not poems at all, but only attempts..." He felt awkward discussing what he had not discussed with anyone. "I write about events of my life and about nature – for example, about thunderstorms and blizzards. I like agitation of the elements – of course, if I stay at home. Sometimes I try to write Latin hymns in honour of saints and something lyrical in Greek, in the spirit of Aeschylus."

"Why did I seek treasure in the river?" Gracien exclaimed with admiration. "Please, recite some of your poems, if you do not mind."

“I shall recite something next time,” Algar murmured bashfully, embarrassed by Gracien’s attention. “Now I should like to know what you love.”

“I love music,” replied Gracien softly. “I perform it and also compose sometimes.”

Now it was Algar’s turn to be surprised.

“When I saw you for the first time,” Algar uttered in sitting up; “I thought of music.”

“For the first time?” Gracien tried to recall. “Do you mean when I swam up to you and called you?”

Algar became embarrassed.

“Yes,” he whispered to the side, blushing. Gracien looked at him attentively, flushed too, and reclined on the towel.

“What do you play?” Algar asked in order to break the awkward silence.

“I play the violin, it is my favourite instrument.” Gracien regained his composure. “The violin is similar to a living being: it can speak, rejoice or weep. When one performs one’s compositions or improvises, it seems that the instrument shares one’s emotions and understands one better than any person could. It listens to the musician, hears him, lives thanks to him... His feelings change into music and give life to the instrument: it is magical.”

“Do you think this is impossible with persons?” Algar asked gravely and lay down beside Gracien.

“Do you mean such a need for a friend?” Gracien smiled faintly. “I do not even know...”

Both of them became silent. Algar, with his chin upon his hands, watched Gracien. The latter lay on his side, with his hand under his head, and stirred the sand slowly. His hair, still damp, fell loosely along his gentle cheek; his eyes were lowered; his beautiful

full lips were compressed, as though he were cogitating upon something sad. At last, he looked up at Algar and said: “Besides, I played the organ.”

He smiled dreamily and turned onto his belly. Algar prepared to listen to him.

“My father is an organist,” Gracien began speaking softly; “It was he who taught me to play the organ. He taught me in the evenings, when the church was empty. It required a comparatively long period of time to master the instrument, which seemed very complex in comparison with the violin. When I saw that forest of pipes for the first time, I felt so little and helpless! ‘Shall I be able to command it?’ I thought. The organ was something special, like a majestic spirit of the temple; it was almost sacred, and to make it play, to be stronger than it... Oh, it seemed incredible! When I touched its keys for the first time and sounds (it was a simple melody) filled the church, I was enraptured. Although my performance was still awkward and learning was difficult, I touched a mystery. Thenceforth I dreamt of playing music that would express my own feelings. I wanted to perform it at night, in complete solitude. Having learnt to master the organ, I even replaced my father sometimes. I once told him about my dream. He did not object to, and I went to fulfil my intention. It was July, eleven o’clock in the evening. The church was gloomy. I lit ten tapers on the altar, whereupon I dared to lock the door: I felt somewhat uneasy... Thereafter I went to the organ. Silence reigned – absolute silence, as though the world had vanished and there remained only I, all alone – like the knight from my reverie. I called him in a whisper and then listened to, hoping to hear his reply. Of course, I did not hear anything. Then I began playing.

It was the Funeral March by Chopin, which I had arranged for the organ. At first it is slow, then it changes into a short confusion – a poignant confusion of sounds, whereupon there follows so peaceful a sadness!... The flow of music seemed to remove the walls; it gushed out and rolled like one great wave across the world – the world where even that knight did not exist and there was nothing but the darkness – loneliness. The tapers shimmered; the crucifix was black; I played and played... When the last chords died away – the last chords of that measured mourning – thunder struck, as though my music continued in Heaven to wail for those who are lonely."

Gracien fell silent. Algar, who had listened spellbound, glanced at him. The youth was pale.

"It hurts me not to be there," said Algar softly.

VI

Again, Algar was too excited and therefore could not sleep. Gracien's image haunted him. It supplanted all his former reflections and made all his activities seem insignificant; it enchanted him and evoked an unfamiliar sweetness. Algar became more and more convinced that Gracien was the one whom he needed. He had once dreamt of a considerate friend, then he had longed for his equal; now he felt, as though his dream came true. Sitting on the windowsill, he delighted in recalling Gracien's voice, which was as soft and soothing as the voice of an angel must be – an angel who brought glad tidings; he remembered his

proud deportment, graceful movements, and gentle appearance... He tried to recall at least one work of art depicting a youth as beautiful as Gracien, but in vain. Perhaps, only the angel with a violin who soared in a painting by Guido Reni resembled him, but Gracien was of a slighter build and his hair was less curly. Algar even rejoiced to find that his friend had no equal not only in life, but also in art. Oh, his beauty!... Algar closed his eyes, smiling. He could behold Gracien for hours, receiving his charm like a life-giving gift. Now he understood those ancient authors who had written about the bliss of contemplating saints and angels in their glory in Heaven. Formerly, this had perplexed him. Of course, Gracien was neither an angel nor a saint, but his beauty had a heavenly, imperishable origin. Of course, he would lose his attractiveness someday, but he would lose it only on earth, whereas in the future life he would ever remain a beautiful youth. If only Algar would be able to be with him ever!... He was dizzy with the rapture which Gracien evoked. He wanted to express his feelings and to give a memorable description of Gracien. If only he could paint! The word – his usual way of expression – seemed powerless. However, even colours, perhaps, would be useless, if they were not the freshness of dawn, the purity of sunrise, the tenderness of a white lily...

Algar felt a sudden urge to be with Gracien, to see him, to hear his voice, to feel the warmth of his skin... The unfamiliar desire to possess Gracien's beauty surged within his heart, delighting him with its novelty and frightening him with a possibility of dissatisfaction. With flushed cheeks, Algar jumped off the windowsill, removed his clothes swiftly, and stretched out languidly on the cool sheets.

VII

The next evening, dark clouds veiled the horizon. Algar was hastening to Gracien, glancing anxiously at the sky every now and then. When he reached the outskirts, thunder began rumbling in the distance. The youth's heart sank: "He will not come: we cannot bathe today..." Nevertheless, he was walking swiftly along the road lined with tall bushes. Farther the road turned and led across a meadow down to the river. The sun still shone, but the murmur of an approaching thunderstorm became more and more distinct, and the wind rustled heavily in the dense foliage of bushes. "He will not come... He will not come... What for? The weather is so bad," Algar thought and quickened his pace. Of course, the next day would certainly be fine again, and they would meet at the same place, but... "Tomorrow!... To wait twenty-four hours!... To wait, yearning to see him!... Oh, if only the road would end at last! It is better to know that he is not there than to hope in vain." Cogitating thus, Algar reached the turn and, walking a little, saw Gracien. They rushed joyfully towards each other.

"I did not expect you to come," Algar uttered excitedly, stopping a step away from Gracien.

"I did not want to deceive you because of bad weather," replied Gracien. He stood still, gazing at Algar mirthfully. "What are we to do? It would be annoying to return home."

Algar fell to thinking and then said:

"I should invite you to my home, but my parents..." He sighed regretfully. "They will disturb us. They will certainly ask us plenty of questions: they always want to know what I do and whom I communicate with."

“My parents want to know all about me, too,” muttered Gracien gloomily. “Besides, my room is near Father’s study: we might speak only in a whisper there.”

“Do you know any shelter?” asked Algar hopefully.

“No, I have not explored the neighbourhood sufficiently.”

The youths began pondering over what to do. Meanwhile, the shadow of a thundercloud fell on them, and a strong wind blew over the field.

“The storm is approaching,” Algar said anxiously, having glanced at the sky. Then a thought crossed his mind.

“Let’s go to my home!” he suggested, cheering up.

“But…” Gracien looked at him hesitantly.

“It does not matter,” Algar reassured him and added with a conspiratorial air: “I have recalled something. We can reach my room unnoticed, using a ladder. Fortunately, I have left my window open.”

Gracien livened up: “This reminds me of my meetings with that knight! But…” He paused. “What if the thunderstorm continues overnight?”

“I think it will end in an hour,” Algar responded with secret hope. “The sky is already clearing there,” he indicated to some point in the distance where the sky was obscured by dark thunderclouds. “Come on, it will rain soon.” Gracien accepted his invitation gladly.

Algar’s house stood on a quiet street. Behind the building, there was a large garden with apple trees, cherry trees, rhododendrons, and beeches, among which gravelled patches winded and gorgeous flower beds were laid out. The garden was encircled by a high stone fence.

“How shall we climb it?” asked Gracien.

“Do not worry, all is thought out.” Algar led him

along the fence to one of its pillars.

"Look at this!" he said cheerfully.

Several metal staples were fixed into the fence.

"Splendid!" Gracien appreciated Algar's resourcefulness. "But what makes you climb over the fence?"

"Sometimes I want to stroll alone at dawn," Algar explained and added: "I shall go first." He scaled the fence adroitly and, sitting upon it, glanced at his friend. Gracien was sufficiently agile to climb without his assistance. Algar came down from the other side, which was also provided with a few staples. Gracien easily followed him. Finding himself upon the soft low grass under an old beech, Gracien whispered, smiling contentedly: "I do not think that there were many aristocrates who climbed fences."

"As to myself, I should prefer to be a commoner," Algar responded in hushed tones. "Ordinary people are far more free."

Gracien looked round. There was semi-darkness under the trees.

"Where are we to go?" he asked.

"Follow me. Please be careful lest someone should see us."

"May anyone be here?"

"I think there is no one in the garden, but we ought to be careful. Come on!" Algar went along the fence.

"All this reminds me of my childhood," uttered Gracien enthusiastically.

A sudden flash of lightning illumined the garden, casting bizarre shadows round the youths. Gracien was following Algar, looking round with a keen interest. Walking a little along the fence, Algar wended his way deeper into the garden.

"We have but to go past those bushes," he said.

The first heavy drops of rain fell to the ground. The youths crept stealthily behind low bushes, passed a gloriette and found themselves under the windows of the house, where blue irises and pink-and-white peonies were blooming luxuriantly.

"Here is my window," Algar pointed to the first floor. "Wait a minute, I shall bring the ladder." He turned the corner and soon came back, dragging a long ladder. He placed it against his window and mounted it first. Reaching the windowsill, he climbed deftly to it, jumped into the room, and then looked down at his friend. Gracien followed him swiftly. Algar wanted to help him, but Gracien declined his assistance and got inside adroitly.

"All is like in an adventure novel!" he whispered with rapture. Algar was as elated as Gracien.

"The thunderstorm may rage forever!" Algar said cheerfully and saw joyful surprise in Gracien's eyes.

VIII

"I have not visited anyone yet," Gracien uttered, sitting in a brown plush armchair near the bookcase and looking round the twilit room. He held himself upright, his right hand, delicate and pale, hung from the armrest, and his left hand lay upon his knees, which were brought together rather shyly. Algar settled before him on the edge of the neatly-covered hard bed with a carved bedhead. From time to time, the room was illumined by the eerie bluish effulgence of lightning.

“Your room is very cosy,” Gracien remarked approvingly. “All is so well-ordered!”

Indeed, in the bookcase books stood in neat rows, as though they were placed along a ruler; on the desk – to the right of the window – papers were laid out in tidy stacks round a small wooden crucifix; even the curtains were arranged in orderly straight folds on both sides of the clean high window.

“You probably demand that not a speck of dust be left behind when cleaning?” supposed Gracien.

“I clean my room myself,” Algar replied somewhat proudly. “Firstly, I dislike it when someone enters my room; secondly, I can do this work on my own.”

Gracien liked his answer.

“I do such housework myself, too,” he said.

Lignthing flashed.

“What is this?” Gracien exclaimed in astonishment, pointing to the wall to the right of the door. There, beside the mirror, a dark painting hung.

“This is a vanitas,” replied Algar calmly.

“Vanitas?...” Gracien repeated perplexedly.

“A picture reminding of the transience of life.”

“Why do you need this?”

“Everyone ought to remember the brevity of life,” Algar uttered like a wise monk.

“It goes without saying, but...” Gracien could not overcome his bewilderment. “To have such horror in your room!... I thought that I had a vision.”

Gracien rose, came up to the painting and tried to examine it in the gathering darkness. It was a still life. Upon an exquisite deep-purple drapery there were two closed books, a glistening silver jar and a violin, amongst which a human skull loomed, staring at the viewer with void black eye-sockets.

“I do not understand why books and a violin are depicted here,” Gracien said thoughtfully, wincing slightly at the picture. “What is vain in them?”

“I do not know this either,” Algar responded, watching him jealously. “However, the main object is excellent. When I gaze at it, earthly things seem so worthless…”

“Oh, Hamlet!…” Gracien uttered with a chuckle and returned to the armchair. “Pray,” he became serious; “Take this away. I cannot sit under that stare.”

Algar rose obediently and, removing his work of art, put it with care behind the bookcase.

“Such effigies,” he said, sitting back; “Were very popular in the seventeenth century. Not only vanitas, but also brooches in the shape of coffins and small tabletop skeletons…”

“Splendid!” Gracien burst out laughing ironically. “What strange thoughts may occur to people! Is it not more reasonable to admire *beautiful* things in order to realise the transience of the earthly and to remember the eternal? Art, poetry, or music – all this is imperishable and reminds of eternity. Is it possible to see eternity in these eye-sockets – in the impermanent?”

Algar would argue with someone else, but he did not want to gainsay Gracien, nor did he want to think about anything. He desired only to be near Gracien, to see him, to feel his presence… He did not say anything, and Gracien fell silent.

IX

The thunderstorm was overhead. Lightning flashed one after another, and the rain came down in torrents, rustling heavily in the branches of the garden. Algar lit a candle, put it on the desk, drew the curtains, and returned to the bed. Gracien sat, with his hands folded on his knees and his eyes lowered, in a pose of silent submission to something known only to him. The soft chiaroscuro enhanced the gentleness of the chiselled features of his thoughtful expressive face; his hair, which appeared darker in the candlelight, shone dimly like ancient gold. Algar could not take his eyes off him, spell-bound; whereas Gracien seemed to be unaware of Algar's presence, immersed in some thoughts or feelings. All of a sudden, he lifted up his eyes, which were strangely serious, and met Algar's gaze. They looked at each other for a few moments, whereupon Gracien rose easily and moved to the bed.

"What terrible weather!" he uttered in hushed tones without looking at Algar.

"I should not want to be outside now," Algar responded softly, feeling uneasy. Gracien was very close. Algar turned to him, and their knees touched. Neither of them moved away. Both youths were waiting for something – something important, definitive, necessary... Algar gazed at Gracien. The latter glanced at him. Overcoming his embarrassment mixed with fascination, Algar murmured: "Your hair is so beautiful in the candlelight! May I untie the ribbon?"

Gracien, as though expecting this request, dropped his eyes. "Rather!" he whispered excitedly.

With a trembling heart, Algar stretched out his hands to Gracien and, without touching his shoulders,

began to untie the black satin bow. His deft fingers soon managed the knot, and Gracien's hair covered his shoulders like flowing gold. The ribbon remained in Algar's still hand.

"Never have I met anyone similar to you," the admiring Algar uttered softly. "Never – even in art..."

Gracien glanced shyly at Algar and gave him a gentle smile. Colour suffused his face. Algar lingered a little more and then, with bated breath and almost in awe, touched Gracien's hair. Feeling its exciting silkiness, he ran his hand over to its end – slowly and with so keen a feeling of pleasure, as though only that movement were allowed to him. Gracien closed his eyes languidly. Algar, scarcely believing what was happening, fleetingly touched Gracien's cheek (which was smooth like rose petals) with the same care and, no longer shy, whispered with growing excitement: "I like you so much!" And forthwith, the affectionate arms were thrown round his neck, and thunder struck overhead like a bell.

"If only I could say how much I love you!" Gracien ardently confessed his love, and his breath fanned Algar's cheek. Algar embraced Gracien and, cuddling him as though in fear to lose him, became still with rapture. All vanished, and there remained only Gracien – his friend, his equal, his beloved, who had come from his dreams to love and to be loved.

They sat motionless some time, delighting in each other's closeness, feeling each other, becoming accustomed to the life-giving kindred warmth. Thereafter they moved away from each other and looked at each other, as though those few minutes had changed them. Algar lightly touched Gracien's hair again. Gracien moved up to him and shyly pressed his lips to

Algar's mouth...

All was new to both of them, and all was important. Algar passionately cuddled Gracien, stroked his back, kissed his face, neck and breast, buried his face in his hair, yearning to disperse in Gracien's life-giving beauty; and his friend snuggled up to him – so submissively, trustingly and tenderly, as though he wanted to satisfy Algar's very soul by his affection... They touched each other, as though they were objects of worship, and their first intimacy was sacred.

X

It was midnight when the youths finished all their caresses. The thunderstorm had abated; the garden was full of the sounds of falling drops; the fresh air, which came through the half-open window, had a mingled scent of grass, wet leaves and earth.

"I have never experienced such delight," whispered Gracien contentedly. He lay beside Algar, embracing him and pillowing his head upon his friend's shoulder.

"Neither have I," Algar responded softly and gave a stroke to Gracien's arm. "I did not even imagine that life on earth might be so pleasant."

"I once read that Paradise exists," uttered Gracien thoughtfully. "It is something similar to a wondrous garden full of ripe fruits and fragrant flowers, where people do not do anything, nor do they worry about anything, but only stroll, sing or play. This seems boring to me now. Paradise is in the bosom of a friend."

The youths embraced and lay motionless in the bliss of being together. Thus much time passed. All of a sudden, Gracien released himself from Algar's embrace and sat up.

"I must go home," he said anxiously.

"Perhaps, your parents are searching for you everywhere," Algar responded, alarmed.

The youths jumped out of bed and began to dress.

"... if they have discovered that I am not in my room," Gracien added, buttoning his shirt hastily.

"Have you ever disappeared?" Algar asked, fastening his belt.

"No, I haven't. School, walks, the church (because of the organ) – that was all. My parents always knew where I was."

"Even when you were by the river?..."

"Yes, but I did not say where exactly I was."

They finished dressing and embraced.

"If only you could stay!" Algar whispered wistfully, kissing Gracien's neck affectionately.

"If only we could live together!" his friend responded with longing, tilting his head back to receive Algar's kisses.

"My parents will not allow us to live together." Algar cuddled his friend heartily. "If you had come from another city or had been homeless, then perhaps they would have allowed you to stay."

"Enough of these 'ifs'!" Gracien exclaimed ardently, livening up. "Let's elope!" He moved away from Algar a little and looked into his eyes, trying to see his expression in the semi-darkness.

"Where?" Algar asked him despondently, with his arms round Gracien's waist. "And what shall we do further?"

“We shall see. Others live somehow.”

“Yes, they do, but is this life? And what are we to do with our studies and your music?”

“Oh yes, my music...” Gracien became sad. “How unfree we are in our seeming freedom! Why are we unable to do what we want, if our dream is the simplest?”

Algar cuddled him soothingly.

“The weather will be fine in the morning,” he uttered, stroking Gracien’s back slowly. “Let’s meet at the same place, at eleven o’clock.”

“I agree,” Gracien purred, relishing Algar’s caress.

Some more time passed.

“I want to awaken in the morning and to see you beside me,” Gracien murmured, delighting in Algar’s embrace.

“So do I,” Algar responded, enjoying his friend’s closeness.

“I do not want to leave you – even until the morning, even for a few hundred metres. What shall I do there?” said Gracien dejectedly.

“You will wait for our meeting, as I shall wait for it,” replied Algar pensively.

Gracien lingered a little more, thereafter he kissed Algar on the lips and moved away from him. “I shall go,” he said firmly.

“I shall accompany you to your house.”

They climbed out the window, descended the ladder and looked round warily. Silence and stillness reigned, and it seemed that there was no one in the whole world. The youths walked through the garden to the gate (at so early an hour the garden was deserted) and wended their way along quiet streets to Gracien’s house. Both of them kept silent. Algar recalled how he

had accompanied his childhood friend. Oh, if only he had had his own dwelling! – or no dwelling at all... No one would have hindered them from being together. Only *to be together*!...

"We have arrived," Gracien announced, stopping under a branchy tree before a stately one-storeyed mansion. The windows were dark. "All seems calm."

Algar looked round, whereupon he impetuously embraced Gracien and kissed him on the cheek.

"You may go," he murmured, tearing himself away from him with difficulty.

"See you tomorrow," Gracien said, waved goodbye to his friend and hastened to the gate. Algar tarried a little, gazing into the gloom where his friend had vanished, then he turned reluctuntly and walked back.

Returning to his room, Algar could not calm down. All reminded him of Gracien, and the sheets on the bed remained wrinkled. Without lighting a candle, Algar paced exultingly up and down, thereafter he opened the window, inhaled the fragrance of the night and, lingering with a joyful smile, went to bed.

Before Algar fell asleep, he thought about what had happened. It, new and important, had transfigured him, making him more mature and better, as though Gracien's ineffable purity had sanctified him and had freed him from doubts, fear and dejection caused by loneliness. It had been necessary to touch Gracien, to feel his whole being and to absorb his tenderness, letting it penetrate Algar's depths in order to effulge in one delightful moment – one moment of the bliss of eternal existence. Only physical contact gave him that miraculous power; only physical intimacy allowed him to touch Gracien's illumining soul, which Algar longed for.

XI

When Algar awakened, the room was illuminated by the bright sunshine. He recalled all. “This is incredible!” he whispered with rapturous amazement. “This is incredible!” However, this *was* – as a miracle of love and the beginning of a new, meaningful life.

Feeling a wonderful lightness in his whole being, Algar got up and, making his toilet swiftly, went down to the dining room.

“Where were you last night?”

In the gloomy room his mother sat – upright and motionless, as though carved out of wood – and stared at him. Algar froze on the stairs.

“Why are you silent?”

Algar did not know what to answer.

“You did not come to dinner.” The woman’s voice was as emotionless as her whole appearance. “Where have you been?”

“I...” Algar touched his forehead, as though in recollecting something. “Oh... I have remembered!” He pretended to recall something. “I had a terrible migraine. I plugged my ears with cotton wool and went to bed. I felt so bad, so bad!...” An expression of suffering appeared on his face. “I can scarcely remember what was last night.”

“Migraine, you say?” His mother looked at him scrutinisingly. Algar did not withdraw his eyes. She relented: “Sit down at the table. Breakfast will be served soon.”

Algar never ate much. He picked at the pudding, drank tea, told his mother that he would go out to stroll and then went to Gracien.

All was serene and pure, revived by the joyous sun-

shine and the rain that had fallen the day before. In the azure sky the finest fleecy clouds floated; drops of rain still sparkled in the grass; the air was suffused with the scent of flowers. Algar was walking his usual path, not recognising the world. All had become different, all had taken on meaning – an incomprehensible yet perceptible meaning, as though he had glimpsed the mystery of existence.

Algar did not want to think about anything, but only to feel and to be. He had become accustomed to almost-constant mental strain – during his studies and writing poetry; now he enjoyed blissful peace of mind. When he reached the willow thicket, he slowed down his pace with excitement: his intimacy with Gracien seemed to convince Algar of the sacredness of his friend's being.

Algar gingerly pushed the branches aside, and Gracien – fully dressed – rushed to him. He stopped a step away from Algar, smiling happily. Algar felt somewhat shy, too. At night, in the darkness, all had been easier. Lingering a few moments, Algar stepped towards his friend and, gently putting his arms round Gracien's slim waist, cuddled him with care.

"What happiness!" Algar whispered, feeling Gracien's satin cheek against his.

"All is so good that I scarcely believe this is my life," Gracien replied softly and embraced Algar still tighter. Algar ran his hand over Gracien's hair tied with the same ribbon, whereupon he looked into his flushed seraphic face and pressed his lips to Gracien's mouth. Soft and hot, those lips responded so submissively that Algar felt dizzy. Tearing himself away from Gracien with difficulty, he recovered his breath and, waiting until his mind cleared, asked: "Is all well at

home?"

"Yes, it is." Gracien sat down on the sand. Algar settled beside him. "Father is so busy arranging a piano sonata for organ that he does not notice anything; Mother does not look after me too much. And your parents – did they notice anything?"

"Mother noticed something... I think that we ought to meet here."

"Meetings will depend on the weather, then," uttered Gracien pensively. "And what shall we do when autumn comes?"

"I shall have to introduce you to my parents in order that you can come to me unimpeded," Algar replied with a sigh.

"What if they suspect something?"

"I doubt this. They know too little about me. If necessary, I may tell them that we learn a language and you come to practice it."

"This is a good idea!" said Gracien enthusiastically. "But let's think about this later..." Gazing at Algar admiringly and affectionately, he gently touched his hand. Algar responded with the same gaze, and they, full of love, united in a kiss...

Afterwards they rested on towels, with their hands behind their heads, and gazed at the serene sky.

"When I returned home," Gracien began to speak unhurriedly; "I could not sleep. I lay on the bed, recalling what had happened. It seemed unfathomably-deep – like an organ melody in a majestic temple... Those moments were as difficult to comprehend as nuances of a musical composition. There remained only an enchanting impression of glimpsing what is beyond earthly existence." Gracien fell to thinking. "I

want to express my feelings, but I cannot," he added regretfully.

"I understand your feelings," replied Algar. Listening to Gracien, he raised himself on his elbow lest he should miss anything of what his friend was telling, for those words came from the core of a wonderful personality, which Algar wanted to know completely.

"To me, this is of the same importance," said Algar. "When I think about what happened yesterday and about our story as a whole, I feel unable to fathom all this. Besides, I feel infinitely-happy. Happy..." Algar smiled dreamily. "Never have I experienced anything similar to these feelings. Never – even in my reveries. But – perhaps, all those who are in love feel the same?"

"No, not all," Gracien uttered confidently and sat up. "I read some stories about what is called 'love.' It was always illusory, with superficial ardour and a transient *blinding* emotion. Our love is something completely different."

Gracien took Algar's hand and said firmly, gazing into his eyes: "You have given me life. Of course, this sounds grandiloquently, but I feel thus. What was before our meeting was inexistence."

XII

Loneliness was inexistence: both of them knew this. But what their friendship brought them was so great that they were spell-bound, as though after coming out of a dismal gorge to a ridge, whence one

could contemplate an infinite expanse.

The youths were together almost always, except when sleeping. They met near the river or in Algar's room, where they climbed using the ladder, for Algar did not want to introduce his friend to his parents. Nor was he acquainted with Gracien's parents. All this was strangely fascinating, as though Gracien indeed did not belong to this world, being a miraculous phenomenon, which existed for Algar alone. Algar's attitude towards Gracien was such that he did not reveal it completely to Gracien himself: he almost worshipped him. He worshipped his beauty and still more his faithful love. To him, Gracien was love incarnate – the one whom he had longed for.

Their relationship was free of sentimentality: it was true, firm and ineluctable – a relationship of two equals. Gracien was right in saying that their feelings differed from what was called love in the ordinary sense of the word. Algar recalled his classmates and their first infatuations, which he had heard of. Although their feelings had been long-lasting sometimes, they had carried – like a spring stream – something unclean and low – *bodily*. But could it have been otherwise? Those persons had intended to follow a different path, they had prepared to a different life – a simple, thoughtless, earthly existence. Their infatuations had been the attraction of flesh to flesh – a germ of death. It had not been without reason that ascetics had eschewed sensual attachments to the opposite sex – those traps for the spirit.

What Gracien and Algar felt differed greatly from the usual concept of love. Their attraction to each other was that of the spirit, whereas their bodies were but an obstacle which they had to surmount in order

to touch the other's alluring revealed soul for one blissful moment. Their love came from eternal Life; therefore, they could not fathom its importance completely yet.

PART II

I

There is a life-giving element in beautiful things, but also something tormenting. One is unable to enjoy them entirely, for they contain so much enjoyment that one's soul cannot hold it without suffering. Therefore, sometimes Algar, contemplating his friend, had a feeling similar to bewilderment or even fear. It seemed to him that he would be able to gaze at him eternally – until exhaustion, until blindness, but this would not be sufficient. He could caress him again and again, following the gentle lines of Gracien's body by his tender lips and sensitive hands until he united with him, but soon he felt the same desire. There is beauty that surpasses the powers of the soul caged in the body. There are phenomena, which transcend Time. Something fatal is in such pleasure which is greater than the abilities of one's spirit: it is easier to die than to enjoy a beautiful thing completely. To die in order to enjoy it...

It is easier to die than to enjoy thee entirely, Beauty!
To die so that the bliss to behold you could be
accomplished.
Thou art eternity blazing up in a spirit encompassed by
Time,
Inflaming it mortally for the resurrection in Love.

"All is possible only *there*." Algar fell silent and, opening his eyes, looked at Gracien almost in awe. His friend, who had listened attentively to his poem, reclined upon a large white towel. His hair was still damp after bathing, and his cheeks were suffused with a soft pink colour.

"You overestimate me," Gracien said gently, glancing at Algar with gratitude. "I always considered myself an ordinary person."

Algar, sitting upright on his heels before Gracien, gazed at him with adoration.

"You are the most beautiful person that I have ever seen," he whispered. "You are still more beautiful than music. But I cannot possess your beauty entirely – like that of music, which always eludes one, promising something unknown yet blissful." A shadow of suffering flickered across Algar's spiritual face. "All is possible only *there*," he repeated almost voicelessly, lifting his eyes to the dark blue sky, which was visible through the silvery foliage of a willow overhead. "However, sometimes all is possible here..." He smiled gratefully at Gracien. His friend, somewhat embarrassed, murmured with pleasant surprise: "You say strange things..."

"It is a pity that you cannot share my admiration," uttered Algar seriously.

Gracien smiled faintly and replied with his characteristic light-heartedness: "Narcissus admired his ref-

lection and came to a bad end."

"Thereafter he changed into a flower – and Hyacinthus as well..." Algar closed his eyes. "Those flowers bloom every year and will bloom until the end of the world, but the youths are not here."

"Perhaps, they did not exist at all," responded Gracien calmly. He scooped up some sand with his hand and slowly poured it back out, thoughtfully watching the thin trickle.

"Maybe, you are right," said Algar gravely. "However, think about it: the beauty of flowers repeats itself infinitely, whereas that of human beings cannot."

Algar kept silent for a moment and then added, bowing his head: "The beauty of human beings simply disappears."

An unfamiliar depressing feeling suddenly seized Algar. No, his friend would not vanish! He would always remain such as he was. He would always remain a charming gentle youth – one of the most beautiful creations – where the distorting Time would not exist and nothing would hinder them from being together... Algar moved impetuously up to Gracien and cuddled him tightly with a sudden yearning for his almost-insupportable beauty.

II

One day when the youths lounged on the bank of the river, Algar said: "There is an excellent medieval monastery a few miles from here. It was abandoned a hundred years ago. I often visited it, for I liked it

very much. Let's go there tomorrow!"

Gracien, who loved ancient and mysterious things, agreed joyfully.

"One more merit of it," continued Algar; "Is that its chapel has wonderful acoustics. I once tried to sing there. It would be splendid if you take your violin and I can listen to your play."

Gracien became still more interested.

"Good acoustics, you say?" he repeated enthusiastically. "I shall certainly take my violin! Never have I played in a monastery."

"So, we shall visit it!" Algar summed up.

The next day, when the sun began to rise above the horizon, the youths set forth to the monastery. The road first winded across a field and then led through the woods. The cool air was suffused with the fragrance of the earth, moss and mushrooms; the first rays of the sun shone through the tracery of leaves, sparkling in spiderwebs; birds sang their joyous morning hymn.

"How nice all is!" Gracien exclaimed with admiration, looking round. "I have never been so far from the city. Where does this path lead?"

"It leads to a neighbouring town. After the construction of the railway, this road was almost forgotten."

"I see this..."

A few metres away from the youths, a fallen birch lay across the road. Reaching it, Algar and Gracien sat down on the thick trunk to rest a little.

"Why does nature make one feel more comfortable than humans do?" asked Algar. "Even if they do not disturb one, to be alone with nature is far better."

"Nature is more friendly," replied Gracien. "Or one

thinks that it is friendly. People make one expect something unkind. However, nature may be hostile, too... Formerly, when I pondered over such things, I felt, as though I were a tiny helpless particle, and this horrified me."

"What do you feel now?"

"Now..." Gracien smiled contentedly. "Now you are with me, and nothing can frighten me."

He kissed Algar on the cheek, and the warmth wafted from him – so pleasant on a cool morning. Algar put his arms round Gracien's shoulders and cuddled him affectionately. They sat thus for a while, in silence, whereupon they went farther.

Soon the path led them out to a wide meadow sloping down to a river, near which a steep hill rose. Upon the hill a gloomy large edifice stood, with imposing sharp gables and pinnacles. Its clear-cut forms loomed lonely-grey against the clear azure sky, like the carcass of a huge creature. It was that monastery. Gracien stood still, gazing at it in utter fascination.

"Does it resemble your castle?" asked Algar.

"No, it does not," Gracien resumed walking unhurriedly. "My castle was in ruins, whereas the monastery has been preserved almost completely. I feel, as though I were in the past."

"I always felt the same when I came here," responded Algar softly. "There is no new building in the neighbourhood."

"The most important thing is that there is no railway here," Gracien remarked with satisfaction. Algar was surprised: "Do you dislike it?"

"Yes, I do. It produces too much noise and smoke."

"John Ruskin is of the same opinion!" rejoiced Algar. "Have you read his works?"

"No, I haven't."

"I recommend you to read them. They contain many right ideas. Ruskin is against innovations, big cities and factories. In his opinion, they do not allow people to live, turning the man into a machine. 'We manufacture everything except men,' he affirms. He is right!"

"Yes, he is," Gracien replied mindlessly, for his attention was focused on the monastery. "Look how beautiful it is – even at so advanced an age!"

"It will enchant you still more when you come closer," promised Algar.

The youths descended to the river. It was the same river, on the banks of which they liked to repose. Here it was narrower, and its banks – overgrown with bushes – were more rocky. There was a bridge over the river, built of dark stone and supported by two piers. The structure appeared to be ancient.

"I wonder if the bridge was built at the same time as the monastery?" uttered Gracien thoughtfully.

"Probably not," responded Algar. "It would already have collapsed."

They went gingerly over the bridge and began climbing the hill. It was covered with low grass, in which rose the white umbrellas of blooming bracken and small bushes. Reaching the top, the youths were panting. They stopped to recover their breath and glanced over the expanse revealed to them. Under the hill the dark-blue river meandered gently; on all sides there rose similar low hills overgrown with sparse bushes. Hills were olive green nearby; farther away, they seemed silvery-blue as they receded into the distance; and on the horizon they became ghostly-lilac like a fading reverie.

After a short rest, the youths proceeded, walking gingerly along the ash-grey wall to the gate. The gate had vanished long ago, and there remained only an empty passage. Algar and Gracien entered the courtyard. The monastery, built of uncut stone, looked still more sinister than from afar. The dismally-grey walls had void gaps where windows had been; round the corner there rose a chapel, above the gable of which a black cross loomed like a concentrated loneliness of those deserted parts.

"This monastery resembles a fortress," Gracien said, looking attentively at the edifice.

"This was a fortress, where monks sought shelter from the world," Algar explained knowledgeably and led his friend to the entrance. The patch, cobbled in former times, was scarcely visible.

"Someone once walked here," Gracien uttered thoughtfully, looking down. "Now the patch itself has vanished like their footprints."

The youths stopped before the arched entrance, above which there was a lancet window. There were no doors here either, and the void black doorway gaped eerily.

"This is the darkness of centuries!" Algar announced with a mysterious air.

"Or that of ideas," Gracien responded ironically, looking inside from the threshold. "Are you sure that it is safe here?"

"Undoubtedly!" Algar assured him. "I was here this spring." He rummaged in his bag and took out a candle and matches.

"One feels very comfortable in this edifice," he said, bringing a match to the wick. "Come on!" Algar invited his friend before vanishing in the gloom. Gracien

followed him gingerly.

The flickering shine of the candle illuminated a wide empty corridor. Farther, it was barred with rays of light. Gracien pressed himself against Algar.

"Where are we?" he exclaimed almost in fear, and his voice resounded hopelessly in the void. Algar took him by hand and pulled him along.

"On both sides of this corridor there were cells," Algar began telling. "Some cells still have doors. Farther down the corridor, there was a refectory. Beside it, there was a library. There the corridor turns right and leads to a chapel."

"Where shall we go?" asked Gracien. He certainly did not feel comfortable.

"If you want, we may explore the building," Algar suggested, feeling at home; "Or we may visit the chapel."

"Let's go to the chapel," Gracien replied, and they walked down the corridor. Algar blew out the candle, for the corridor was illuminated farther by light falling through the doorways of the cells. The youths' footsteps echoed in the silent emptiness.

"How did you dare to come here alone?" Gracien expressed his astonishment, stepping cautiously, as though he feared to fall through.

"This was as easy as to visit your castle."

"My castle was far closer to the town; besides, very few roofed rooms remained there."

"There is nothing to fear here," Algar said confidently, squeezing Gracien's hand. "Moreover, this is a holy place."

They reached the chapel. Algar pushed the creaky dark door, and the bright sunlight illumined the youths.

“Here is the chapel!” Algar announced solemnly and entered it first.

It was a spacious room with high vaults and a clerestory. Stained glass of the windows had vanished long ago, and only the limpid azure sky was visible in the void apertures. Sunlight fell through them on the grey slabs of the floor and on the dark rows of time-worn pews. On the walls there remained vestiges of frescoes – someone’s visages, fragments of raiment and palm branches. Near the entrance there was a half-crumbled image of two crossed white lilies – a symbol of virgin purity: perhaps, it was a remnant of a painting depicting the Annunciation. Algar stopped before it. “Hark!” he whispered, raising his forefinger. Gracien listened attentively, but no sound reached his ears.

“This silence,” Algar began speaking reverently in hushed tones; “Contains all the chants and prayers that sounded here – the whole life which passed within these walls. When I came here, it seemed to me that I had but to make some effort in order to hear those vanished sounds.”

“Formerly, I could not understand whither the past went,” responded Gracien softly. “It existed and then it ceased to exist. How is this possible? I thought that the past remained where it had passed, as though it accumulated like invisible dust.”

“This is an interesting assumption!” replied Algar lively. “What do you think now?”

“I do not even know...” Gracien murmured, stepping towards the altar. “Let’s explore the chapel!”

The youths walked unhurriedly along the wall to the altar, examining vestiges of frescoes.

“What a strange image!” Gracien pointed to a black

eye staring from the wall. “The whole fresco has disappeared, but this eye remains.”

“It is somewhat uncanny, for no one knows who this person was,” Algar said softly, gazing at the wall. “Someone lost in oblivion…”

“… like the one who is lonely,” responded Gracien pensively. He took two steps and touched a blue spot on the wall.

“This is the dust of centuries!” he announced, looking at the trace of the blue paint on his fingertips. “*Sic transit gloria mundi*!”* The youth brushed the blue powder off. “All passes.” He spoke with his characteristic light-heartedness.

“Did you ponder over such things?” Algar asked in surprise.

“No, I didn’t. All became obvious by itself.”

“All necessary ideas?…”

“Yes, all that one needs to know. I think the world is far simpler than people suppose. Some understand this easily, whereas others have to cogitate on the meaning of life.”

Gracien went slowly farther, and Algar followed him. He knew that place by heart, but he saw it differently, wandering with his friend there. Life itself seemed different when Gracien was with him. Gracien ascended the worn steps into the empty choir (where a sunray fell from a high narrow window), glanced over the wall with crumbled frescoes, and then turned to Algar. His friend’s eyes opened wide.

“Move a little to the right,” he asked excitedly.

Gracien obeyed, not understanding what Algar wanted, and found himself in the sunshine. Algar

* “Thus passes the glory of the world” – *Latin.*

stood still, spell-bound by the scene. Gracien was so beautiful, gentle and pure, as though he were created from light – from a joyous numinous light. Lingering a little, Algar approached him and, blushing, put his arms round Gracien's shoulders in order to untie the black satin ribbon which held his hair.

"What are you doing?" whispered the intrigued Gracien. Without answering, Algar carefully untied the bow and arranged Gracien's luxurious curls, which fell upon his shoulders, so that golden sparkles began playing in them. Thereafter Algar took a step back. His cheeks flushed still more, and his gaze expressed such adoration that Gracien looked at him in amazement.

Algar admired Gracien for a while, whereupon he came closer to him and adjusted the strands of hair along Gracien's face.

"Stand thus," Algar said in hushed tones. He walked a few steps away and stopped to contemplate his friend. On the empty dais, under the azure vertical aperture of the window, Gracien stood in a graceful pose, and a sunbeam, like a blessing, illumined his head, making his hair shine similar to a golden halo.

Overwhelmed with delight, Algar went down on one knee.

"He is an angel," Algar whispered to himself. "He is a real angel!"

Gracien smiled shyly. After letting Algar behold him a little longer, he descended to him.

"You have so inspired an expression that I regret my inability to draw," Gracien said, standing before Algar. The latter rose.

"How happy I am that you are with me!" Algar uttered. He desired to embrace Gracien, but he did not dare to do this for some reason. Gracien gave him a

serene smile and snuggled silently up to him, throwing his arms round his neck.

The youths stood thus in the middle of the hushed chapel, and the eternal glorification of Love lasted in the beating of their loving hearts. “All will pass, but this warmth will never end,” Algar thought, enjoying Gracien’s closeness. “Love belongs to another world.” He moved away from his friend a little, looked into his eyes, which shone with happiness, and then pressed his mouth gently to Gracien’s lips – for one moment.

“Now please play something for me,” he asked, releasing Gracien from his embrace. Gracien expected that request. His violin was left with Algar’s bag near the door. Gracien took it out of the case. It was glistening and amber-brown, as though it had been exposed to the evening sun for a long time. With his hair still loose, he came up to the altar and stood there, whereas Algar sat down on a pew. Gracien paused a little, thinking, whereupon he touched the strings with the bow, and a slow melody began to flow across the desolate silence of the chapel. Its sublime gentleness verged on sadness like a prayer of thanksgiving that came from a pure and sensitive soul. The high vaults deepened it still more, as though vanished voices of the chapel were joining it. Algar gazed at Gracien, and an ineffable feeling of eternal bliss was filling his whole being. Never had he been so near to what he had been seeking. He closed his eyes and gave himself up to the music. It was Gracien’s very soul, which changed into sounds and spoke to Algar’s core. Algar felt a strong desire to pray in order to thank for that moment, Gracien and the music, but he could not find words – there was only that overwhelming feeling, which blended with the song of the violin. The feeling was a

prayer. Algar buried his face in his hands, in one of which he held Gracien's ribbon, and sat thus, motionless, until the end of the play.

When the last chords died away in the height, Algar dared to open his eyes. Gracien, smiling faintly, was approaching him.

"What is the meaning of this composition?" Algar asked in hushed tones.

"This is a representation of my feelings after our first night," Gracien replied softly, stopping before his friend.

"I like your music very much," said Algar simply. He understood that he was unable to say more. "Thank you for your play," he added, touching Gracien's hand gratefully. "And for that night..."

III

After Gracien's performance, the youths continued to explore the monastery. Algar, who knew every nook and cranny of the building, was leading his friend confidently, telling him what he had learnt about monks and what he imagined.

"Perhaps, in this cell," Algar said, stopping on the threshold; "An old wise monk, like Saint Jerome, once lived. Near the window stood his desk, at which he studied the Bible and wrote treatises. And that cell," Algar walked to the next door; "Belonged to a young novice. His life was very difficult, for he had to fight plenty of temptations."

Gracien, knitting his brows, looked into the small

gloomy room.

"I understand him," he said. "I do not see any difference between a monastery and a dungeon. In both cases, a person is deprived of freedom."

"You merely misunderstand monastic life," objected Algar gently. "In a monastery a person finds freedom – freedom from the world."

"Even in the midst of the world one can be free from it," replied Gracien firmly.

"You do not understand..." Algar wanted to explain something, but, having glanced at the bored Gracien, fell silent. "Come on!" he invited and led his friend to the library. They passed across alternating strips of light and shadow and found themselves before a dark massive door. Algar pulled at the door-handle. The door creaked alarmingly, and the unpleasant sound echoed in the long corridor, like a scream. Algar entered the room. It was large, twilit and empty.

"If only one book remained here!" Gracien sighed wistfully, coming in. "For example, an ancient manuscript..." He put his hands behind his back and went unhurriedly along the left wall.

"A book?..." Algar repeated, following him. "What for?"

"We might take it as a keepsake," Gracien replied thoughtfully, examining the wall with faint vestiges of frescoes. "I like old books. They have a special spirit – that of the past and those who read them."

He reached the far wall and walked slowly along it, trying to find more frescoes. Algar followed him. All of a sudden, Gracien stopped.

"Look at this!" he pointed to the wall. "There is a niche here!"

Algar started.

"Where?" he asked excitedly.

"Here is it," Gracien pointed to an almost-indiscernible oblong recess.

"This is incredible! I have been here so many times, but I have not seen this." Algar's voice became husky with excitement. "What could it be?" he glanced inquiringly at Gracien. "Hidden relics?..."

"Books?..." Gracien whispered, gazing avidly at the wall. "Let's see!"

Algar knocked at the centre of the niche. Judging by the sound, it was hollow. Algar looked round in search of an instrument.

"I saw a piece of brick in the corridor," said Gracien.

"This is what I need!" Algar rushed to the door, leaving Gracien to wait for him impatiently. He soon returned with a sharp fragment of brick.

"Now we shall see what is there," he murmured, biting his lips in anticipation of something interesting. "Move away lest you should be covered with dust."

Gracien stepped to a window and stood there, watching Algar. His friend knocked at the niche again, paused a little and then struck it resolutely. A small gap appeared in the wall. Algar looked gingerly at it.

"The masonry is thin," he uttered contentedly. "We shall manage it quickly."

He struck a few more times, covering his eyes with his other hand to protect them from the dust. The gap became larger. Gracien rubbed his hands, imagining what could be there. Algar hit the wall again, waited for the dust to settle and then looked cautiously into the hole.

"Damn it!" Algar recoiled in horror, turning pale.

Gracien rushed to him.

"What happened?" he asked concernedly, grabbing Algar by the shoulder.

"There are someone's remains there," Algar said almost voicelessly, staring at Gracien. Gracien shuddered slightly.

"Remains?" he repeated disappointedly and took Algar's hand. "Let them lie. Come on!"

The youths hurried into the corridor. Algar slammed the door behind them. Even in the vague light it was visible how pale he was.

"This is very unpleasant," Algar muttered gloomily, holding Gracien's hand as they were going towards the exit. Gracien was imperturbable. "Very unpleasant..." Algar repeated, walking so swiftly that his footfalls were resounding in the corridor, as though someone were pursuing the youths. "How white they are! How dead!..."

"Have you never seen such things?" Gracien glanced sideways at Algar. The latter's face expressed fear and disgust.

"No, I haven't. And you – have you seen?..."

"I have not seen bones either, and I have forgotten to look at them now." Gracien's voice was calm. "Here is the exit."

At the end of the corridor a doorway was visible, through which the bright sunlight flooded in. Algar darted there, still holding Gracien's hand. Finding himself outside, he breathed a sigh of relief. Colour began coming back to his cheeks.

"Have you visited cemeteries?" asked Gracien.

"Yes, I have."

Algar leant against the wall to rest.

"Why are you frightened now?" uttered his friend

gently. “In cemeteries there are the same things.”

“But they are not visible there,” murmured Algar dismally.

“And your vanitas?...” Gracien reminded, smiling faintly.

“This is only a painting. To see such things in real life...” Algar fell silent, bowing his head.

“I wonder why he was buried in the library,” said Gracien thoughtfully. “Perhaps, he was your wise monk.”

“Imagine, others continued sitting there!...” Algar could not overcome his horror. “How could they sit there?” He looked at Gracien gravely.

“Why not?” his friend replied carelessly and added jokingly: “He lay quietly, disturbing no one.”

“I did not mean this... What meaning could they see in their activities?” Algar gazed at Gracien almost in despair. “What meaning – if all is doomed to end thus – in dust?...”

IV

The youths returned to the city in the evening. Algar accompanied Gracien to his house. The gloomy impression had passed, and there remained only pleasant fatigue and romantic reminiscences of Gracien’s music.

“Thank you for this day,” Algar said, smiling gratefully. They stood behind a large bush near the gate. The street was almost deserted; the air was suffused with the exciting fragrance of flowers.

“It is I who ought to thank you,” Gracien replied with a shy smile. “Every moment with you is delightful.”

They wanted to kiss, but they did not dare to do this in the street by day. Algar took his friend’s hand and gently squeezed it in his. “Let’s meet near the river tomorrow, at four o’clock,” he suggested, gazing at Gracien affectionately.

“I agree.” Gracien’s eyes were full of love. It was always difficult for them to part, as though the meeting were last. Algar tarried a little longer and then released Gracien’s hand like a caught bird.

“See you tomorrow,” Algar uttered and went unwillingly home.

At home Algar dined quickly and then locked himself in his room. He recalled Gracien’s music – that clear, soothing music, which had carried him away to some blissful distance and had been full of Gracien’s young charm, freshness and purity... He sat in a chair, resting his forehead upon his hand, and tried to evoke the impression of a prayer and the image of his friend; but a lurking fear was growing through his reverie, through his whole being, throughout all. The music died away, and Gracien’s image became blurred by that black gap into the unknown. What was there? What had he seen in the midst of his bliss? And – what for?

What for? Algar recollected his life before the meeting with Gracien – that monotone, bleak life – and compared it with what he had now. Formerly, nothing had tormented him – except his longing for a friend. Now that he had a friend and peace, his peace had been disturbed. What for?...

For the last three years, he had been studying

Christianity – as profoundly as it was possible for his young mind. The lives of saints, the history of the Early Church, eschatological treatises, commentaries of the Church Fathers – all this shaped his conscience and world-view. Gradually, he began to regard theology as an incontestable truth, while the lives of Christian martyrs seemed an excellent example to follow. At night he lit an icon lamp before a table crucifix and, reverently opening the voluminous Catholic Bible, immersed himself in the world of mysteries and allegories to feel the wonderful illusion of being a medieval monk. After acquiring an idea of exegesis (the critical interpretation of Scripture), he tried to fathom the numinous meaning of biblical parables and expressions. He could ponder over a methaphor for hours in order to comprehend its essence until his head was bent over the book and bizarre images, rivalling the visions of Ezekiel, began to flash through his weary mind.

Algar's teachers praised his Latin; his parents, who were zealous Protestants, rejoiced at his knowledge of the Bible, being unaware of Algar's indifference to their religion. Algar wanted to convert to Catholicism. The reason was not that he believed it to be true, but that all those whom he read about and admired, had been Catholics. Thomas Aquinas, Saint Albert the Great and Saint Columbanus were his favourite authors; and he was inspired by the story of Saint Vincent, who had lived in Spain in the third century. During the Diocletianic persecution of Christians, Vincent had been a deacon. The Emperor had ordered the clergy to resign, but Vincent had continued his service. He had been taken into custody and tortured. Notwithstanding the indescribable suffering inflicted on him, he had remained calm. He had said

to the executioner: “You are rendering a good service to me, for I always wanted to confirm my faith in Christ with my blood. What you are endeavouring to destroy is only a fragile vessel that is destined to break one day; but you will never be able to hurt the one who is within it and who will be your judge tomorrow.”

Inspired by such examples, Algar devoted himself to asceticism. He removed the mattress and a pillow from his bed as well as all the objects in his room that he considered unnecessary – several porcelain vases, two still lives and a bronze clock; he began to keep vigil at night, striving to accustom himself to sleep little; he ceased to eat his favourite sweets; he celebrated religious holidays by kneeling all night long, praying or reading the Bible, and regarded the pain in his tired knees and back as an additional opportunity to strengthen his spirit.

Youthful inexperience and ardour hindered him from separating the true from the false. He read indiscriminately and believed all that had come from the pen of religious authors, being confident that their very position made them trustworthy and venerable. He had no wise guidance, and he became more and more entangled in the chaos of theological ideas, moving away from the truth because of his blind love for it.

Why had his bliss been disturbed? Algar recalled how Gracien had asked him to remove his vanitas; and it had been Gracien who had discovered the niche with a still more impressive “vanitas...” Algar, accustomed to interpret biblical allegories, correlated both events, and his conclusion made him shudder. The bones in the wall were none other than a reproach for his

renunciation of faith and a reminder of what lay beneath the happy surface, waiting for him, an apostate. That dead person was he himself, who had preferred a man to Christ.

Algar rose awkwardly from the armchair and sank to his knees, covering his face with his hands, as though from a dreadful vision. “This cannot be,” he murmured; “This cannot be...”

V

The night passed restlessly. Events of the day, book stories and Algar’s own ideas blended in his weary mind into a sinister phantasmagoria. Sometimes it seemed to him that something absolutely black emerged from the depths of the mirror and flooded upon him, becoming heavy, round and petrified; it did not allow him to move, staring with its paralysing inexistent gaze into his very core. He wanted to release himself, but it held him, becoming more and more distinct until he saw that it was a human skull. The skull hovered in the gloomy space, which rippled slowly round it like water. “Perhaps, a drown person lies there,” Gracien whispered and gave him a void glance. Algar screamed without hearing his own voice. He tried to move, but he did not feel his body. “Gracien! Gracien! Oh, God!...” He endeavoured to call again and again; he strove to make any movement again and again, but all was in vain. At last, he was able to move his hand. It broke through something,

and he saw himself in a dark niche...

Algar awakened with the feeling of a warm ray on his face. “Gracien!...” he thought affectionately without opening his eyes and tried to touch his friend. All was quiet. “Gracien!” he called again, and the sound of his voice dispelled his drowsiness. He opened his eyes. The sun illumined the room brightly. Algar gave a faint smile to the sunshine like to a saviour and then rose from the rumpled sheets.

After breakfast Algar went to the river. When he approached the willows enshrouding the bank, he stopped and looked through the foliage. Gracien lay upon the sand like a lily taken out of water – still wet from swimming, slightly tanned (a lily in the evening sunlight) and defencelessly-gentle. He dreamt of something, putting his hands relaxedly behind his head and gazing at the sky, where cumulus clouds floated peacefully. Algar walked gingerly to his friend. Gracien noticed him and rushed to him – joyfully as ever. Algar opened his arms to Gracien and, cuddling him, forgot all his night fears. His beloved was with him: what was in the wall of an abandoned monastery had no significance.

“You are very pale today,” Gracien remarked concernedly, moving away from Algar. “Perhaps, you did not sleep well?”

“The night was not very peaceful,” Algar murmured, not wanting to recall it. “How did you rest?”

“Blissfully! – as though you were with me. I dreamt about you...” Gracien’s eyes sparkled mischievously.

“What did I do in your dream?” Algar asked, smiling lovingly. Gracien gave him a coy smile and said playfully: “What you do in reality sometimes...”

“Let your dream be repeated!” Algar replied cheerfully and put his arms round Gracien’s waist…

Afterwards they bathed.

“It is a pity that summer is coming to an end,” Algar uttered, keeping afloat.

“We shall meet at the house of one of us,” Gracien responded, swimming near him. “It is good to be together wherever.”

They indeed were happy together. Algar felt a sense of deep peace, as though he were a leaf carried slowly by a river farther and farther – to that distance where the serene azure sky shone over a hill…

When the youths came out of the water and lay down on the spread towels, Gracien asked: “Please recite some of your poems!”

Algar thought a little, thereafter he sat up, put his left hand upon his left leg, bent at the knee, and, closing his eyes, began to speak softly:

Life is beautiful
when I see your all-understanding affectionate look
similar to a blue haze in the distance,
where Heaven and the earth seem to meet.
Life is beautiful
like a May flower,
which opens blissfully to the sun,
surprised at the purity of nature.
Life is beautiful
when you are near,
Gracien,
the light of my soul…

Algar fell silent without opening his eyes and felt

the touch of the soft lips on his cheek. He smiled and cuddled his friend. Gracien closed his eyes with pleasure. “This is where real life is,” purred Gracien. Thereafter he added in hushed tones: “I always wanted only one thing – a friend. I created that knight in order to love him. When you appeared, I could not believe it, as though my knight became real.” Gracien pillowed his head upon Algar’s shoulder. Algar silently pressed his cheek against Gracien’s hair.

“You have done so much for me,” continued Gracien. “Formerly, I was like a shadow separated from everyone and everything, from this world and from the other one. Now I feel alive.”

He kept silent for a while and then uttered: “To have a friend – a beloved – is the greatest happiness. When one has a friend, one has all; but if one is lonely, nothing consoles one – even faith.”

VI

“Even faith...” Algar understood this, and the very understanding seemed apostasy. Could anything be more important than love for God? “Forsake everything and follow Me...” Gracien would be unable to forsake everything and would certainly turn his back like the rich youth from the parable. But – had he not turned his back, having followed Gracien?...

Again, Algar was alone, and fears encompassed him again. The daylight had not faded yet, the sun illuminated the garden gently, but his room – with the window facing east – was already dark. Algar paced

anxiously up and down, stood for a while before the vanitas returned to its place, thereafter he came up to the bookcase, ran his fingers thoughtfully over the spines of books, chose nothing, sat down at the desk and pulled the crucifix towards him.

He had bought that small crucifix (carved out of dark wood and with a silver figure) two years earlier. It had stood there, forgotten, that night when Gracien had been in his room... Algar looked into the visage of the Saviour. His eyes were closed. "As though He were unhappy to see me..." the youth thought, and sadness filled his heart. During those two years, Christ – or, to be exact, His little effigy – had become his friend. Algar could gaze at it for hours, making himself imagine the suffering upon the cross, like monks had imagined. Francis of Assisi had felt Jesus' pain so clearly that he had had the stigmata; Algar had wanted them, too, knowing that he would be unable to conceal them and to fight his pride in his strong faith. This had caused remorse, and he had asked for forgiveness, kneeling before the crucifix put on the edge of the desk. Feeling no response, he had tormented himself still more until, exhausted, he had gone to bed, thinking himself sinful and worthless.

His faith brought him neither consolation nor peace, but only fatigue from trying to believe like the saints whom he read about. He did not understand that he, exhausting himself with his spiritual exercises, turned himself away from what he aspired to. He became more and more zealous.

He sat at the desk, with his chin upon his hands, and gazed despondently at the crucifix. It had been the pivot of his life before Gracien. What was left now?

Where was he going? – into the blind niche of the abandoned monastery of his faith, to eternal damnation!... Algar shuddered in recalling horrors of Gehenna, which he had read about in religious books. Eternal suffering!... He lit up a candle and brought his forefinger gingerly to the fire. The little flame licked his tender skin slightly, making him pull his hand away. He was unable to endure even this. How would he be able to endure the endless torment of fire, which would burn his whole body? Fear seized him, and he felt almost despair. He did not want to burn in Gehenna eternally, but how would he regain his faith? How would he be able to forsake Gracien?

The thought of having to part from Gracien had flashed through his mind when he had been tormented by nightmares. He had forgotten about it in the evening, for separation had been inconceivable beside Gracien – especially voluntary separation. Algar loved him too much to renounce the happiness of being with him, and he desired to love – to live – too much. To love and to live – these concepts were inseparable for him. Whatever ideas books instiled in his mind, whatever bliss to behold Divinity they promised, the experience of loneliness influenced him still more, and the contemplation of his beloved was greater bliss.

"But this is a delusion!..." Algar squeezed the crucifix and pressed his forehead against the cool figurine. "All the saints asserted that there is no life without the Church." Without the Church, there was eternal Gehenna – unimaginable and dreadful Gehenna. Without a friend, there was earthly inexistence – that familiar (and therefore still more dreadful) inexistence. What ought he to choose?

Two images were before Algar – that of Christ, cru-

cified for the sake of Algar's transcendental salvation, and that of Gracien, who had delivered him from real suffering. Transcendental Love, which was the source of eternal existence, and his own love, which was the source of his life: how could he choose? Algar moaned in despair, biting his lip. He admitted that he had sinned, coming to love someone stronger than he loved his Saviour, but he had no power for something more than this admission. Could anything be stronger than love for a friend?

But what had given strength to those whom he had read about? What had given the strength to Saint Vincent to despise pain? "But his pain was bodily. He suffered for the sake of the One Whom he loved. What if it were his soul that was tortured with hooks?..." The strength of saints had been their faith – their love for Christ. Algar had renounced that love. How could he do anything without it?

For the sake of Gracien, he would endure even hooks. Even if they had lacerated his body, which he never cherished, his soul would have been with his beloved. But what hooks could tear him away from his friend? And – *what for*?

"For the sake of Christ, for the sake of Christ..." he tried to convince himself, burying his face in his hands. "But what for?" asked his love. "He Himself is Love, and there is no other love," thought Algar. "But I am. What can you reply to this?" He could not reply anything. "Oh Lord, lead me on the right path!" the youth whispered, taking his hands slowly away from his face to look at the crucifix, but it was already dark in the room.

VII

Again, the day came; again, Algar found peace beside Gracien. When Algar looked into that spiritual face and those affectionate eyes, in the depths of which the very mystery of their love was hidden; when he touched that satin skin and pressed his mouth to those yielding, responsive lips, then there remained no fear – at least in his heart. In his subconscious, there was something condemning, like the closed eyes of the crucified Saviour. "Come what may!" Algar thought and gratefully absorbed Gracien's tenderness.

Gracien noticed something.

"What is worrying you?" he asked, when they rested on the sand after bathing.

"All is well," Algar replied carelessly, touching Gracien's arm with a fluffy blade of grass. Gracien, lying on his side beside him, pulled his arm away with a smile, whereupon he became serious and continued: "I see that something depresses you."

"Indeed?" Algar seemed to be surprised.

"Your face has become gaunt," Gracien raised himself up on his elbow and looked at Algar with concern. "Does anything hurt?"

"I feel very good." Algar tried to touch Gracien with the blade of grass again. Gracien dodged it and sat up. "Something goes wrong," he murmured pensively to the side. Thereafter he leant over Algar and lightly touched his forehead. Algar caught his hand and kissed it – first the palm, then each finger separately. A loving smile lit up Gracien's face.

"Even if something had been wrong," Algar said, gazing at Gracien adoringly; "All would have been well beside you."

Algar did not want to tell Gracien about his tribulations: the feeling of the almost-sacredness of Gracien's being did not allow him to do this.

This continued for a week – peace with Gracien by day and anguish before the cross at night. Algar understood that he had to choose – between Christ and... "Does our love not belong to the divine? Is anything heavenly not present in Gracien's soul?" However, could the meannest not assume the form of the most sublime in order to lure a soul into its net – into the abyss of Naught? Algar recalled hermits, who had been disturbed by tempting visions. "But these were only visions. Gracien is a living being; I see who he is, and I feel his love." But – what if Gracien's very love was a delusion?... All was so complicated that there was nothing left to do but to cut that knot.

But – how? Algar understood that he would be unable to announce his intention to Gracien. Beside him, all would become simple and pleasant until the night came, bringing fear. Fear: it was where Gracien was not. It hid in the bed where Algar lay down at dawn; it was behind the lines of his favourite books, in which he sought oblivion; it loomed in the garden where he went out to rest... Its centre was the crucifix, with the outstretched embracing arms of the Saviour and His closed contempting eyes.

Algar could no longer endure this, nor could he tell Gracien about this. What was he to do? Algar thought a little and then took a pen. He would write to Gracien, and his fear would disappear.

VIII

"My love, I am writing to you, for I feel too timid to speak. Undoubtedly, my words will seem strange to you – or even dreadful, but you ought to hearken to them.

I know how pure your soul is, full of secret faith, and I want it to remain such and to be able to live eternal life. However, a shadow has fallen upon it as well as upon me – a shadow, which seems light and pleasant, but it is heavy and destructive: this is the shadow of sin.

Our love has made us oblivious of what is the source of our existence and eternal salvation, to wit Christ. Having fallen in love with each other, we have moved away from Him – from the very life. Recall how disconcerted you were by my vanitas. It disconcerted you, for it reminded you of the transience of the earthly, when you wanted to indulge in that transience. Recall how much I was frightened when I looked into that niche. I was frightened, for I was constrained to realise the ephemerality of my prosperity as well as the inevitability of eternal punishment. As you can see, signs have been given to us, wherefore we cannot doubt our unrighteousness and the necessity to expiate it.

Repent! Repent with me in order to be forgiven by the One Who was crucified for our salvation. Ponder over His suffering! Ponder over His utmost loneliness, for He was forsaken even by His Father, and compare it to our bliss of apostasy. Will our actions not seem still more mean than the insults of the Roman soldiers who mocked Jesus? Ponder over all this! Will you not come to the same conclusion that I have come to?

We have to part. To part in order to return to our Saviour – to restore the path to our eternal salvation.

It is difficult for me to write these words; it will be difficult for you to read them; and it will be still more difficult for you to do what I am begging for. But – was it not difficult for Christ to reconcile Himself to His Father's will and to be crucified for our sake?

I hope that both of us shall be able to return to the right path."

Algar looked at the letter, as though it were an instrument of death. "This is a trial of my faith," he thought. "This love is a trial of my love for Him. I loved Him in word, now I love Him in deed." Algar threw the letter away, and it fell on the stand of the crucifix. "Take the dearest that I have..."

Algar felt dizzy and hot. He struggled to his feet, leant against the desk, waiting until the swirling space calmed, and then he walked out slowly.

There was no one in the dining room. Algar opened the door noiselessly and sidled away. The sky was cloudy; the air was humid and warm; the still garden appeared one motionless dark mass. Algar went aimlessly to the trees. A wet large dahlia brushed his hand. He stopped and carefully took the flower in both hands. It seemed a living being, who gave itself submissively to him. Could he break it for no particular reason? No, he could not. How could he break his friend, then?

Algar released the dahlia and toiled deeper into the garden. Birds did not sing yet, and all was so quiet, as though all were dead. Algar sank wearily on the grass under a branchy linden tree. His heart was beating slowly and heavily, resounding in his ears. "Gracien! Gracien! Gracien!" his blood was sounding. "Gracien!"

he called softly into the mute darkness. “My love!” Love – from the beginning to the end. Love, which had made him living and which he despised for the sake of the transcendental Love upon the Cross – for the sake of their salvation from eternal torment. But would the separation not be their eternal torment?

Algar intolerably desired to see Gracien, to embrace him, to kiss him, to caress him, slaking his thirst for beauty – for the imperishable over-worldly beauty... He felt the familiar languor in his whole being, similar to a poignant call. “Gracien, Gracien...” Only beside him, he felt alive. Was this a vision?... What was reality, then? What was earthly reality if not suffering upon a cross?

IX

The letter was sent. He soon received the answer: “Come to our place tomorrow at four o’clock in the afternoon. I do not fear to speak.” Algar understood that Gracien had not agreed with him, and he felt a sense of relief, which confused him. Now he was faced with a task, which was still more arduous than writing the letter. Standing near the desk in his room, Algar took the crucifix in his palms and looked at the haggard visage. It was not Christ’s visage that he saw, but the image of his love. The crucified Saviour was dead as well as the space of the world-cross, and solely Love lived.

Algar put the effigy at its place and grabbed his forehead like a person tormented by a bitter feeling

of guilt. He was certainly losing his battle and felt himself like a helpless leaf torn from its branch by the power of the wind. The pain of the separation and the exultation of freedom blended in its swift flight, and it was of no importance that it had to fall to the ground – to that centuries-old stratification of dust of all bygone victories, joys and freedoms. "Dust thou art, and unto dust shalt thou return" – but through the ecstasy of life and love!

The next day Algar came to the river. He was ready to surrender; however, he did not want to be easily defeated and therefore he had prepared several quotations from medieval authors.

It was cloudy and warm. Algar gingerly pushed aside the branches that covered the entrance to his sanctuary. Gracien stood near the water, with his back to him. He was motionless, confident and lonely. His snow-white shirt and brown trousers were thoroughly ironed; his beautiful hair was pulled back into a low ponytail that fell almost to the middle of his shoulder blades. The water before him seemed black.

"Gracien." Algar's voice sounded hesitant. Gracien turned slowly to him, and Algar's heart sank. The youth looked at him sorrowfully as one looks at an ill loved person. Sleepless nights had cast shadows under Gracien's expressive eyes.

"I have arrived," Algar murmured, as though trying to justify his awkward presence. "You wanted to say something..."

"I was astonished at your letter," Gracien said composedly, gazing at Algar. "Anyone can do strange things, but you..." He smiled ironically. "You are inimitable. I should have laughed heartily, if this had not concerned us."

Gracien began to pace slowly and calmly along the water, with his hands behind his back. Algar stood irresolutely near the bushes, twiddling a blade of grass plucked on the way.

"You understood correctly that I have faith," Gracien continued speaking in the same even voice. "But I believe differently. You have picked some ideas from books, and someone's else suppositions have become your faith. I studied only the Bible. You look at the ground, and you do not notice how beautiful the sky is. As to me, I should like to be aware of its beauty constantly. You mentioned my confusion before your vanitas. It was not the transience of the earthly that confused me: I was confused by your ignorance. Do you remember me saying that one ought to contemplate the eternal in order to feel the transience of the earthly? Truth must be sought not by means of aversion, but by means of admiration. Therefore, I was surprised at your fright in the monastery. I thought that you are too impressionable. Now I see that you do not understand some things. It would have been of no importance if you had not been convinced of your understanding."

Gracien stopped and looked attentively at Algar, waiting for his response. Algar was silent, with his eyes lowered.

"Recall the words from the Bible: 'Love one another,'" Gracien began to speak again, impassively and softly. "Ponder over this. This was the reason why Jesus embraced His Cross. You think that He needs your undivided attention. Look how many persons are in the world. Do you think that He needs a longing, languishing crowd round Him? Was this the purpose of His suffering? Is this the meaning of human exis-

tence?"

"However, to contemplate Christ in Eternity is the greatest bliss," Algar murmured stubbornly, glancing sideways at Gracien. "Consequently, this is the meaning of life."

A faint derisive smile appeared on Gracien's lips.

"The man was created to love his equal," he uttered firmly. "Love – affection for another human being – is the greatest gift of God. Christ Himself felt affection for His disciple John, thereby blessing loving ones."

Gracien certainly knew more than Algar did, and medieval arguments of the latter began to desert him. However, he did not want to admit defeat, and he countered defiantly: "Perhaps, you are right. But the one who is beguiled by earthly love can forget Christ, as we did. What can you say about this?"

Gracien looked frankly at Algar and replied in hushed tones: "I felt that in our relationship there was something very deep – something so important that it eluded me when I tried to understand it. On our first night an idea flashed across my mind – an idea that Paradise is in a friend's embrace, to wit such bliss must be in Paradise, beside a friend. Gradually, I understood that the important thing, which I felt, was a promise of eternal life, and our love was a glimpse of Eternity."

Algar gazed at Gracien with surprise. Gracien was silent for a while, whereupon he said excitedly: "I thanked God for you every day. Even during our caresses, I thanked Him – with my whole being, with my whole joy. Never had God been so near to me as He was after we met. It were you who made Him nearer to me."

Algar did not know what to reply. Gracien waited

a little and, understanding that he was winning, continued impassively: "You are right: He is the source of life. But life has no meaning without love. The man was created to love, and the Creator wants the man to be happy. Before you, I did not understand this so clearly – I only felt that love (or, to be exact, brotherhood) is more important than anything else. This caused fear of death. Do you remember I once said that one does not think of death when one is happy? I lived in almost-constant fear that I should pass away without meeting a friend and I should be alone *eternally*. When I met you, this fear vanished."

Algar threw the blade of grass aside and stood still, not looking at Gracien, in confusion.

"For me, our love was a revelation," Gracien uttered almost in a whisper and added with a bitter smile: "And you – you write about sins and salvation!... Even if you had been right, I should have chosen transient happiness with a friend rather than an eternal existence in solitude. I know loneliness too well." He knit his brows.

"Ask those stones," he exclaimed, losing his composure; "Where my inexistent knight dwelt, how many times I wept for a friend there! Ask this river, to which I went to call him! Ask Christ Himself, Whom I implored for him!"

Gracien lowered his voice and finished speaking calmly: "You were God's answer."

All that Gracien had told was familiar to Algar and therefore dreadful. He could argue with Gracien, he could argue with his own love, but how could he argue with his own loneliness? He looked up at Gracien. The latter gazed at him with a strange detachment, as though all that was happening did not concern him.

But Algar saw how much effort it was for Gracien to remain calm: he was very pale, and even his lips, which were always soft pink, had a greyish hue. “What would have happened if he had done what I asked him for?” thought Algar. Saint Vincent had despised bodily suffering out of love for Christ; Gracien despised spiritual suffering out of love for him. He did not attempt to convince Algar, nor did he insist that he was right: he merely spoke, and the last word rested with Algar, for Gracien did not want to suppress Algar’s freedom. But what could Algar say, looking at that deadened face, which had always been so lively, but had turned into a mask that hid the familiar feelings? “Repent!” – of the desire to love and the inability to be lonely?...

If Gracien had considered Algar to be right, he would have found the strength to fulfil his request: Algar did not doubt this. What he himself had created by fasting and vigils, had been formed in Gracien’s heart by his incessant supplication for a friend. Both of them had known loneliness, but Algar had substituted a wooden crucifix for a friend and had been somewhat consoled, whereas Gracien had lived with a bare sense of loneliness and the unnaturalness of it – the unnaturalness for a person endowed with the capacity to love. Therefore, Gracien was stronger spiritually and understood more than Algar did; and even if he could not comprehend any things yet, he felt them. Algar had the right opinion of the purity of Gracien’s being and his power of love, which could destroy him if it remained unnecessary.

Algar stepped hesitantly towards Gracien. Was that youth not one of those who could understand what sages could not?

“Forgive me,” Algar whispered, looking at Gracien

as he had looked in repentance at the effigy of the crucified Saviour. Gracien stood still in surprise, and his eyes shone with joy.

X

Autumn was approaching. It became cold, and the youths would met in the house of one of them. Gracien was the first to introduce Algar to his parents. Algar's noble manners, knowledge and gentleness made a good impression on them, and he liked his friend's parents, too. Afterwards Gracien visited Algar's parents, and they received him favourably.

"What a charming young man!" Algar's mother said to him after meeting Gracien. "How well brought up he is!"

"His noble origins are evident in all," Algar's father added. "Algar found a good friend."

All was well, but the youths were somewhat sad, for they would see each other less often after returning to their studies. Gracien had private tutors, whereas Algar was educated at college.

"But then we shall matriculate at the same university," Algar assured Gracien when they sat on the sofa in Gracien's room.

"And when we graduate," Gracien added; "I shall be a musician, and you will be a writer."

"And we shall live together," uttered Algar dreamily.

"And we shall never part," responded Gracien sere-

nely.

"... until one of us passes away," said Algar sadly.

"Thereafter we shall meet again!" Gracien consoled him. "And we shall be together eternally. Can you imagine such bliss?"

"Yes, I can," smiled Algar gratefully. "When you are here..." He cuddled his friend affectionately.

Nothing tormented Algar now. He adopted Gracien's beliefs, gladly rejecting what had burdened and destroyed his own faith. He was not weak-willed: he simply needed his equal – the one who could hear him and respond to him; he desired to love – to love a human being. This was his faith as well as that of Gracien. "Life without love is meaningless," believed Algar. The same thing – loneliness – had revealed the same truth to Algar and Gracien: the difference between them had been that Gracien had venerated only the Bible, whereas Algar had sought a form for his faith. After their love had made Algar discard alien opinions, there remained God – Everlasting Love, whence his own love came. However, even if Algar had been convinced of the rightness of his world-view, this would not have given him the strength to tear his loving soul away from the one who needed his love. Like a pure flower by the turbid stream of the world, Gracien was drawn to Algar for warmth; could Algar break that flower? Could he change himself, who wanted to warm another person? Could he condemn his equal to what he himself knew too well?

There is no life without God, for He is the source of it; but life is nothing without a friend, for only a friend gives meaning to one's existence. Loneliness is inexistence for the one who is endowed with the capa-

city to love – this greatest and most arduous talent.

September 29 – November 10, 2013
Translation: May 2014; February 11 – March 17, 2016

IN RUSSIAN

БЕЛЫЙ ЦВЕТОК НАД ТЕМНЫМ ПОТОКОМ

ЧАСТЬ I

I

Алгар отвел ветви плакучей ивы, что загораживали тропу к реке, и замер пораженный.

В десяти шагах от него, на белом полотенце, расстеленном на мелком песке, лежал свободно и грациозно юноша его лет: невысокого роста и столь изящного сложения, как будто легкие линии его тела создала сама музыка. Правильные черты тонкого лица явно свидетельствовали о благородном происхождении, кожа выглядела нежной и белой, как лилия в рассветных лучах, а волосы – длинные, густые и волнистые – имели тот деликатный оттенок золотого, что встречается лишь на фресках Фра Беато Анджелико. Правая рука юноши была подложена под голову, одна нога согнута в колене, а глаза прикрыты. Казалось, он не принадлежал окружающему миру, не осознавал его, и расслабленно слушал звучание надмирной красоты, из которой происходил сам.

Алгар осторожно отпустил ветви и опустился на колени, продолжая наблюдать сквозь маленький просвет меж острых листьев представшую перед ним картину. Он совершенно забыл о том, что собирался искупаться, забыл вообще обо всем и только смотрел и смотрел на явленную ему гармонию – едва дыша, словно малейшее движение могло нарушить ее.

Наконец, юноша открыл глаза, улыбнулся довольно и, легко поднявшись, неспешно направился к воде. Осторожно ступив в нее, теплую и ласко-

вую на вид, он сделал несколько шагов и с уверенностью хорошего пловца весь отдался потоку. Алгар подождал немного, после чего встал, убрал ветви и как ни в чем не бывало вышел на берег.

Река была узкой и спокойной, но местами довольно глубокой. На другом берегу поднимались отлогие холмы, поросшие редким кустарником, а над самой водой склонялись серебристые ивы, скрывая в своей тени незабудки. Вдоль обоих берегов росли белые лилии – особенно чистые на противопоставлении с темнотою воды.

Юноша, еще не зная о присутствии Алгара, неторопливо плыл к другому берегу. Алгар, с бьющимся сердцем, разделся и с некоторой поспешностью вошел в воду. Мягкое течение обняло его, и он, немного успокоенный, перевернулся на спину, ожидая возвращения незнакомца. Кем тот был? Приехал ли он сюда только на лето или перешел в тот же колледж, где учился Алгар? Он казался необычным. В нем присутствовала особая мягкая прелесть, делавшая его одновременно и хрупким, и уверенным, как те ангелы на картинах, что несут благую весть. Алгар сравнил его со своими товарищами по учебе – угловатыми и шумными, вспомнил их незатейливые увлечения и свое одиночество среди них...

– Не правда ли, чудесный день? – раздался рядом мягкий голос. Алгар вздрогнул и повернулся. В паре метров от него находился тот юноша. Удерживаясь на воде легко и свободно, как лилия, он заинтересованно смотрел на Алгара большими глазами. Они были редкого зеленовато-голубого цвета – подобного дымке, которую образуют море и ясное небо в своем соединении на горизонте.

Алгар смешался. Довольно застенчивый, он чувствовал себя так, словно на него взирала не пара глаз, но весь небосвод. Однако молчать было нелепо, и он, преодолевая робость, ответил непринужденно:
– Да, день такой, о каком можно было только мечтать – всю эту зиму.
– Наверное, зима прошла очень скучно? – предположил юноша, нежась в воде.
– Конечно. Учеба... – пробормотал Алгар и, не считая нужным продолжать, спросил:
– И как там, на другом берегу?
– Очень хорошо! – беззаботно ответил юноша и весело предложил:
– Поплыли туда вместе!

Алгар с готовностью согласился. Так плавал он иногда со своими прежними приятелями. Тогда ему хотелось обогнать их, оказаться у цели первым, как будто там ожидало нечто приятное; и он спешил, преодолевая воду и свою слабость: с самого детства он был хрупок здоровьем. Доплыв же, он из последних сил выбирался на берег и ложился в изнеможении – как раненый герой, одержавший победу. Теперь было совсем иначе. Соревноваться с этим юношей казалось неуместным, даже недопустимым – напротив, он вызывал смутное и незнакомое желание уступить ему.

Оказавшись почти у самого берега, Алгар смешался. Не раз он купался обнаженным со своими приятелями, и это ничуть не смущало его, равно как не привлекала внимания нагота других. Все было обыкновенным. Теперь же выйти из воды было для него все равно что раскрыть тайну: он стеснялся. Беспомощно оглянувшись на оставшие-

ся на другом берегу вещи, он помедлил немного, покраснел, вздохнул неслышно, а затем справился с собой и вышел – на узкую полосу мягкого песка, освещенную солнцем. Подальше, в тени ивы, виднелись мелкие красные цветы, перемежавшиеся с белыми. Обрадовавшись возможности занять себя, Алгар подошел к ним и опустился на колено, спиной к сотоварищу. Ему сразу стало спокойнее.

– И что там примечательного? – поинтересовался его новый знакомец, устраиваясь на песке.

– Вообще-то ничего особенного, – отозвался Алгар, рассматривая хрупкие соцветия. – Цветы, названия которых я не знаю.

– Ты, должно быть, любишь цветы, не так ли?

– Да, – ответил Алгар и добавил поспешно:

– Хотя это может показаться немного сентиментальным.

– Сентиментальным? – удивился юноша. – Разве может быть что-то сентиментальное в восхищении прекрасными вещами?

Те, кого знал Алгар, так не считали. Он обернулся. Его новый товарищ сидел, опираясь ладонью о землю, и внимательно смотрел на него. В спокойствии его взгляда, в непринужденности положения не было ни тени стыдливости. И мог ли стыдиться тот, чья красота превосходила все, что его окружало?

– Конечно, ничего. Совсем ничего, – прошептал Алгар, не сводя с него завороженного взгляда.

II

Юношу звали Грасьен, и ему было шестнадцать лет, как и Алгару. Два года назад он с родителями переехал в эти края из Нормандии.

– Нравится ли тебе здесь? – спросил Алгар, лежа на полотенце на спине с руками за головой. Грасьен, так же расположившийся рядом, подумал немного, после чего проговорил:

– Да, здесь хорошо. Но я еще не привык.

– За два года? – удивился Алгар.

– Там все было моим... – тихо ответил Грасьен. Он прикрыл глаза и, не дожидаясь вопросов Алгара, начал рассказывать – негромко и задумчиво, как будто вспоминая для самого себя:

– Мы жили в большом доме, окруженном садом. Моя комната была на втором этаже, с окном на восток. Под окном росли яблони. В мае они превращались в бело-розовые облака. Мне нравилось любоваться ими на рассвете, когда солнце еще не поднялось, и небо было прозрачно-голубым. Белые цветы, ясное небо: все выглядело таким чистым... За садом были луга, посреди которых находился холм с развалинами замка. Я часто уходил туда. Я представлял, что в этом замке некогда жил рыцарь – молодой, благородный, одинокий... Я верил, что его дух все еще пребывает там, и ходил – к нему. Конечно, все это может показаться очень странным... Я боялся, что кто-нибудь узнает, зачем я туда хожу, и все закончится: как будто чужое вмешательство могло разрушить то, что я создал. И я посещал замок тайно. В этом была особенная прелесть: выбраться на рассвете из окна, осторожно пройти сад (где никого в такой час не было) и

быстро миновать луга, торопясь на встречу. Я думал, что он ждет меня. Ему было очень одиноко (так я считал), потому что его мир закончился: остались одни развалины. Одни развалины... – с грустью повторил Грасьен. Он замолчал и привстал, опираясь на локоть. Алгар, повернувшись на бок лицом к нему, ждал продолжения. Грасьен немного подумал и заговорил опять:
– Так, поспешно, я приходил к замку. Его стены казались мне границей наших миров – моего и того рыцаря. Поэтому я с некоторым волнением входил внутрь – через пустой дверной проем. Дверей давно не было – только провал в мощных стенах. Я входил и останавливался. «Я пришел», – шепотом говорил я ему. И он появлялся...

Алгар с изумлением покосился на Грасьена. Тот поймал его взгляд и чуть улыбнулся:
– Это происходило в моем воображении. Я почти видел его. Он возникал в конце темного коридора – там, куда падал свет сквозь пролом в крыше. Возникал из света... И я шел к нему навстречу, и он радостно принимал меня. Вместе мы шли в зал. Там уже не было крыши, росли дикие розы, а у стены стояла каменная скамья – до сих пор... Мы садились на нее и беседовали. Я рассказывал ему о своей жизни и спрашивал, как жил он, – Грасьен снова погрузился в молчание.
– И что же он говорил тебе? – полюбопытствовал Алгар, увлеченный рассказом.
– Он говорил о походах, сражениях, победах... О том, как однажды неприятель подступил к его замку, и был бой, страшный бой, в котором много воинов пало, – Грасьен опустил взгляд и чуть сдвинул брови, словно пытаясь припомнить собы-

тия, о которых рассказывал. – И в том бою погибли все его друзья, – голос его стих до шепота. – Он похоронил их там же и остался навсегда охранять их прах.

– Но ведь они тоже стали духами. Почему же он был одинок? – спросил Алгар с недоумением.

Грасьен опять улыбнулся:

– Мне хотелось, чтобы он был *один*, – просто объяснил он.

– Почему? – не понял Алгар.

– Потому что я тоже был один, – легко сказал Грасьен и сел. Положив левую руку на согнутое колено, он устремил потемневший взгляд куда-то вдаль, как будто надеясь что-то увидеть там. Алгар ждал. То, что рассказал Грасьен, действительно было странным, но вместе с тем понятным.

– И тебя увезли *от него*? – тихо произнес Алгар, глядя на товарища.

– Да, от него, – с затаенной печалью ответил тот. – Мне было жаль не дом, не сад, не то, что называется родиной, – только те руины, где жил мой воображаемый друг.

– Но ведь ты мог переселить его сюда. Здесь тоже есть замки.

Грасьен взглянул на Алгара и тихо засмеялся от его серьезности.

– Это не те замки. К тому же они довольно далеко от города.

Немного помолчав, Грасьен проговорил:

– Интересно, существовал ли тот рыцарь вообще?

Алгару вдруг стало не по себе.

– А если нет? – прошептал он. – Если тот, кого ты считал настоящим, был сполна воображаемым?

– Что ж, тогда я не задумывался над этим, – Гра-

сьен снова лег. – Знаешь, иногда очень хорошо не задумываться...

III

Юноши провели вместе весь вечер, чередуя беседы с купанием, и лишь когда берега оказались в тени, вспомнили, что пора уходить. Грасьен, со свойственной ему беззаботной легкостью, предложил встретиться там же на следующий день, на что Алгар радостно согласился. Только дома, когда он, отказавшись от ужина, заперся в своей комнате, он с ужасом вспомнил, что не спросил, где живет Грасьен. А что, если тот не придет?..

Алгар почти никогда не встречал расположения к себе, как и не испытывал сам почти ни к кому. Все его прежнее общение было для его товарищей только развлечением, возможностью довольно весело провести время, если не имелось ничего более приятного. Связи легко создавались и легко обрывались: для тех, кто считались его друзьями, они не являлись необходимостью. Лежа поверх неразобранной постели, Алгар вспомнил, как в десять лет, в первый и последний раз, привязался к одному мальчику. Каждый день они вместе возвращались из школы и прощались возле дома одного из них. Родители Алгара не позволяли ему приводить приятелей. «Ведь они могут разбить фарфор!» – говорили они, и в их голосе слышался почти ужас. – «Но мы будем вести себя хорошо», – обещал Алгар и делал умоляющие глаза. – «Как бы то ни было, дети есть дети: могут что-нибудь

зацепить, уронить, испортить». – «Ну пожалуйста, мы будем о-о-очень осторожны!» – «Все равно нет!» Неудивительно, что Алгар возненавидел весь этот внешний блеск, не только ничего не приносивший, но, напротив, лишавший радости. Поэтому, когда он нечаянно опрокинул с каминной полки китайскую вазу тончайшего фарфора, он испытал не только страх перед наказанием, но и странное ликование, словно уничтожил нечто дурное. «Это стоило таких денег, таких огромных денег!.. – слышал он потом сквозь дверь гостиной сетования матери. – Целое состояние!.. И одним движением – вдребезги!..» Алгар, оставленный в тот вечер без десерта, удовлетворенно улыбался.

Возможно, по той же причине его самого допускали в дом приятеля не чаще, чем в праздники. По крайней мере, он так думал, и вместе с тоской о друге, которого видел только в школе и по дороге обратно, возрастала его неприязнь к роскоши. Вернувшись домой, он скрывался в своей комнате и тихо плакал, как будто этим днем видел своего товарища в последний раз. Игрушки, которыми его засыпáли, книжки, покупавшиеся едва он давал понять, что ему хотелось бы ту или иную: все это было скучным и ненужным для одного. Все оживало лишь в присутствии друга.

Алгар не знал, как тот относится к нему, и не пытался это узнать: отношения были еще почти бессознательными, а привязанность происходила из глубины, пока непостижимой для него самого. Он знал только, что друг нужен ему: это было естественным и не требовало объяснений.

Однако требовало выражения. Однажды, перед днем рождения приятеля, Алгар торжественно

разбил свою копилку, которую наполнял два года, и, отдав деньги отцу, попросил купить «самую лучшую книгу, что только может быть», так как она предназначается для друга. «Несомненно, хороший подарок заставит хорошо думать о нашей семье», – решил отец и приобрел роскошный том рассказов о дальних странах и чудесах света – в тисненом золотом переплете и со множеством изящных гравюр. Весь вечер Алгар не мог оторваться от такого сокровища: в его представлении это действительно была лучшая книга на свете. Он с трепетом переворачивал плотные глянцевые страницы, как будто касаясь чего-то священного, и с упоением воображал радость друга. Радость: вот, что он желал подарить.

На следующий день Алгар не вошел даже – вступил в дом приятеля, неся с собой свой драгоценный дар. В доме – сияющая хрусталем и бронзой гостиная, мать в черных кружевах, девочки в белых платьях, серьезные мальчики в аккуратных костюмчиках: всё торжественно и все торжественны. А средоточие торжества – его друг, старавшийся выглядеть взрослым и важным. И – волнение, мешавшее Алгару произнести слова поздравления, и дрожь в руках, когда он протягивал завернутую в хрустящую бумагу книгу, и неподдельный интерес товарища, заставивший Алгара почувствовать себя счастливым... А затем... «Книга? Спасибо», – и она была с безразличием добавлена к куче подарков, сваленных на диване.

Алгар едва дождался завершения празднества, а возвратившись домой, разрыдался прямо в присутствии родителей. «Никакого впечатления, – бормотал он, всхлипывая, – совсем, совсем ника-

кого...» «У кого? От чего?» – спрашивали родители в растерянности от несвойственного ему поведения. «Никакого впечатления... – продолжал он твердить, никого не замечая. – Никакого впечатления от подарка...» «Ах, вот в чем дело!» – мать улыбнулась снисходительно, а отец потрепал Алгара по голове: «Конечно, тебе хотелось произвести впечатление. Но кто-то подарил нечто более ценное для него. Что поделаешь?» Алгар был изумлен. Нечто более ценное, чем любовь? И неужели даже родители – взрослые – не поняли причины его слез?

Так малозначительны были отношения в известном ему мире. Случайный интерес, вежливое внимание, условные любезности: поверхность, под которой не было ничего. Ни дети, ни взрослые не понимали его чувств, не разделяли его потребности в друге. То, что он считал естественным стремлением, оказывалось его особенностью – залогом одиночества, которое было для него нестерпимым.

Грасьен казался совсем другим. Алгар встал и подошел к окну. Сад, замерший в неподвижном воздухе, стал темным, но небо еще сохраняло свет, как воспоминание о минувшем дне. В этот день произошло нечто важное, и радостное ощущение новизны преисполняло Алгара. Забравшись с ногами на подоконник, он представил Грасьена – как тот лежал на берегу, хрупкий и прекрасный, словно цветок, принесенный водою из неведомой счастливой дали, и сердце его взволнованно забилось. Это незнакомое волнение было очень приятным, и он, желая продлить его, стал вспоминать все, что происходило у реки. После унылой размеренности

его существования, занятого учебой, чтением и одинокими прогулками (он постепенно отдалился ото всех своих приятелей), событие этого вечера казалось чудесным явлением. Вновь и вновь вызывая в памяти образ Грасьена, Алгар даже начал немного сомневаться в действительности их встречи. Не было ли это видением – вроде тех, что бывали у монахов, созерцавших в упоении аскезы небесные вещи? Неужели тот удивительный мальчик в самом деле был с ним? И неужели он увидит его завтра?

А тот увидит его... Каким? Алгар спрыгнул с подоконника, зажег пару свечей и, поставив их так, чтобы они освещали пространство справа от двери, где висело большое зеркало в простой раме, взглянул на себя. Из темной глубины на него смотрел миловидный юноша: невысокий, стройный, с гордой посадкой головы. У него было узкое бледное лицо, крупные карие глаза, тонкие чуть изогнутые брови, небольшой прямой нос, довольно пухлые губы и деликатная линия подбородка. Полудлинные густые каштановые волосы обрамляли высокий чистый лоб. Алгар повернулся, пытаясь посмотреть на себя сбоку, поправил волосы, присмотрелся к рукам с изящными кистями, еще раз окинул себя взглядом в зеркале и остался вполне доволен.

Но как прекрасен был Грасьен!.. Потушив свечи, Алгар вернулся на подоконник. Он думал о новом приятеле с удивлением. Грасьен был одним из тех прелестных юношей, в которых является надмирная красота – не мужественная и не женственная, но ангельски свободная от пола: наивысшая красота, возможная для человека. Она нео-

долимо привлекала Алгара с тех пор, как он ощутил настойчивое желание любить, и была предметом его непрестанного томления, сливавшегося со стремлением быть.

«Со стремлением быть»: он чувствовал, что в прекрасном присутствует нечто животворящее – некий ключ к Бытию. Глубинное знание о последнем было для его чуткой сущности столь же естественно, как осознание жизни. Он еще больше чувствовал, чем понимал, и в мироздании было пока больше тайны, чем яви, но само ощущение этой тайны приближало к разгадке. Оставалось только не сбиться с пути, приняв ложное за истинное или же истинное за ложное. Для этого требовалась самостоятельность, которой Алгар еще не мог обладать, хотя верил, что как раз обладает. Его ясная восприимчивая душа была открыта множеству влияний – излюбленных писателей, музыки, природы, одиночества... Последнее было основным. Оно образовывало суть его личности, оно заставляло чувствовать острее, оно вело его и оно, возможно, должно было однажды спасти его от неверного шага... Оно было его страданием, но именно благодаря ему Алгар научился ценить человека. Мог бы он иначе понять, как благороден и чист Грасьен? Мог бы он осознать его красоту именно так, как осознавал сейчас? Одиночество было направляющей силой, но, продолжаясь слишком долго, могло обратиться в силу уничтожающую. Алгар желал освобождения от него. Таким освобождением казался ему Грасьен.

Алгар снова с упоением представил своего нового знакомого: его тонкое выразительное лицо, изящество линий, мягкую грацию, приятный го-

лос – то весело-звонкий, то тихий и завораживающий... Все это было объединено теплотой в солнечное существо, нежное и открытое. Казалось, Грасьен был грезой – его собственной осуществившейся грезой. Не о нем ли он тосковал всю сознательную жизнь? Не его ли звал по ночам, просыпаясь от своего голоса? «Грасьен! Грасьен...» – даже имя его представлялось необычайным, полным неких томящих радостных воспоминаний, как о лете, которое было давно и не здесь...

Алгар просидел на подоконнике всю ночь, и лишь когда стало совсем светло, лег спать, утомленный счастьем.

IV

Вечером Алгар отправился к реке. Покинув город и шагая через цветущие луга под безоблачным небом, он был так переполнен радостью, что желал рассказать о ней этим лугам, цветам, солнцу, чтобы они своей гармонией воспели того, чья прелесть превосходила все известные ему вещи. Он сам хотел петь и оттого стал перебирать в памяти арии из опер, но арии казались невыразительными. Тогда он начал вспоминать любимые им церковные гимны, но они представились сухими. Он попытался намурлыкать что-нибудь из собственных стихов (он писал их несколько лет), но нашел их неподходящими. Тогда Алгар оставил попытки и отдался своему ликованию, которое, казалось, отворяло в нем тайные родники новой и непреходящей жизни.

По мере того как Алгар приближался к берегу, сокрытому ивами, он шел все медленнее и медленнее, а подойдя к склонившимся на тропинку ветвям, сквозь которые накануне наблюдал Грасьена, и вовсе остановился. Им овладела робость, как будто он стоял у входа в святилище, одновременно боясь и присутствия божества, и его отсутствия. Он подождал немного, стараясь справиться с собой, а затем порывисто отвел ветви. Грасьен лежал на берегу. Он был в той же грациозной позе, но полностью одетый. Увидев Алгара, он тотчас вскочил на ноги, приветливо улыбаясь.

– Я не ожидал, что ты придешь так рано, – сказал он, делая шаг навстречу Алгару.

– Наверное, мои часы спешат, – ответил тот, выходя на берег и не решаясь смотреть на товарища.

– И это очень хорошо, потому что мне было довольно скучно здесь одному.

Непринужденность Грасьена немного успокоила Алгара, но все равно он не находил, что говорить. Грасьен, как будто поняв это, предложил:

– Давай сначала искупаемся, а потом можно о чем-нибудь побеседовать!

– Хорошо, – согласился Алгар, испытав облегчение, и начал с нарочитой медлительностью расстегивать пуговицы на рубашке, исподволь наблюдая за Грасьеном. Тот встал к нему спиной, не торопясь снял рубашку и брюки, аккуратно сложил их в стороне и, осторожно вступив в воду, с наслаждением погрузился в нее. Вскоре за ним последовал Алгар.

– М-м, как приятно! – промурлыкал Грасьен, держась на животе. – Земные вещи бывают не хуже райских.

Алгар, таким же образом устроившийся рядом с товарищем, удивленно взглянул на него. Тот всматривался в темноту воды.
– Интересно, что там, на дне? – задумчиво проговорил Грасьен.
– На дне? – отозвался Алгар. – Ничего особенного. Камни, ракушки и какие-нибудь водоросли.
– А может быть там, подо мной, лежит сокровище, затонувшее давным-давно. Золото, серебро и драгоценные камни...
– Сокровища лежат в морях, – равнодушно ответил Алгар.
– Тогда, может быть, утопленник, – беззаботно предположил Грасьен.
Алгар даже вздрогнул:
– Какие у тебя странные мысли!
Грасьен, не обращая внимания, продолжал:
– Лежит там и смотрит на меня, как я на него. Только я не вижу его сквозь воду – эту приятную воду – и потому думаю, что его нет, – голос юноши стал странно серьезен. – Вот так же мы думаем, что нет смерти, когда нам хорошо...

V

Выбравшись на берег, юноши растянулись на расстеленных полотенцах.
– Расскажи что-нибудь о себе, – попросил Грасьен. Он лежал рядом с Алгаром на животе, положив голову на руки, и смотрел на него задумчиво. – В прошлый раз ты почти ничего не рассказал, а ведь наверняка в твоей жизни было что-нибудь приме-

чательное.

Алгар перевернулся со спины на живот.

– В моей жизни мало что интересного, – проговорил он, медленно пересыпая мелкий песок. – Учеба, книги, прогулки по окрестностям. Одно и то же изо дня в день.

Ему хотелось помолчать.

– Неужели у тебя не было и нет ничего, что бы по-настоящему увлекало тебя? – изумился Грасьен. – Разве можно существовать без увлечений?

– Кое-что есть, – Алгар застенчиво улыбнулся. – Я пишу стихи.

– Пишешь стихи? – Грасьен даже привстал. – Это же замечательно! И как давно? И о чем? И можешь ли что-нибудь прочитать?

Алгар благодарно смотрел на него.

– Пишу четыре года. Собственно первые стихи и не стихи были вовсе – так, попытки... – ему было неловко говорить о том, о чем он еще ни с кем не разговаривал. – Предметы их разнообразны. Чаще всего я пишу, конечно, о событиях своей жизни. Иногда о природе: о штормах, грозах, метелях... Мне нравится волнение стихий – конечно, когда я нахожусь дома. Изредка пытаюсь писать латинские гимны в честь святых и что-нибудь лирическое на древнегреческом, в духе Эсхила.

– И я еще надеялся найти сокровище на дне! – воскликнул Грасьен. – Прочитай какое-нибудь из стихотворений, если можно.

– Лучше в другой раз, сейчас я не готов, – пробормотал Алгар, смущенный вниманием. – А что увлекает тебя?

– Музыка, – негромко ответил Грасьен. – Я исполняю и немного пишу.

Теперь пришла очередь Алгара удивиться.
– Когда я увидел тебя в первый раз, – проговорил он, садясь, – я почему-то подумал именно о музыке.
– В первый раз? – Грасьен попробовал вспомнить. – Это когда я подплыл к тебе и окликнул?
Алгар смешался.
– Да, кажется, тогда, – проговорил он, краснея. Грасьен внимательно посмотрел на него, сам отчего-то порозовел и опять опустился на полотенце.
– И на чем ты играешь? – спросил Алгар, желая прервать неловкое молчание.
– На скрипке – это мой любимый инструмент, – Грасьен снова был спокоен и слегка задумчив. – Знаешь, она подобна живому существу: тоже умеет разговаривать, может радоваться или плакать. Когда играешь что-то свое или, тем более, импровизируешь, кажется, что она разделяет твои чувства, понимает тебя так, как, пожалуй, не смог бы понять человек. Слышит тебя, внимает, живет благодаря тебе... Твои чувства, ставшие музыкой, ты сам в музыке даришь ей жизнь: это удивительно.
– Ты думаешь, такого не может быть с людьми? – серьезно спросил Алгар и опять прилег рядом с Грасьеном.
– Такой потребности другого в тебе? – Грасьен улыбнулся одними уголками губ. – Не знаю.

Оба замолчали. Алгар, положив голову на руки, наблюдал за Грасьеном. Тот лежал на боку, подложив одну руку под голову, и медленно ворошил песок. Его волосы, еще слегка влажные, спадали вдоль нежной щеки, взгляд был потуплен, а красивые пухлые губы чуть сжаты, как будто он размышлял над чем-то печальным. Наконец, он

поднял глаза на Алгара:
– А еще я играл на органе...

Он слегка улыбнулся и перевернулся на живот. Алгар приготовился слушать.
– Мой отец органист, – негромко заговорил Грасьен, – он и обучил меня. Мы занимались по вечерам, когда церковь становилась пуста. Потребовалось немало времени, чтобы овладеть этим инструментом, казавшимся столь сложным по сравнению со скрипкой. Когда я впервые увидел орган вблизи, увидел этот лес трубок, я почувствовал себя таким маленьким и беспомощным! «Неужели я справлюсь с этим?» – подумал я. Орган представлялся чем-то особенным, неким величественным духом храма, почти священным, и заставлять его играть, быть сильнее него – о, это казалось мне невероятным. Когда я в первый раз прикоснулся к клавишам, и звуки – какой-то простой мотив – заполнили церковь, я пришел в восторг. Пусть они были еще непослушными, пусть обучение продвигалось нелегко: я прикасался к таинству. С тех пор моей мечтой стало сыграть что-нибудь, отвечающее моему духу, – ночью, в полном одиночестве. Когда я достаточно овладел органом и даже изредка стал заменять отца, я признался в своем желании. Отец не был против. И вот я отправился осуществлять свое намерение. Был июль, одиннадцать часов вечера. В церкви было совсем темно. Я зажег свечу, от нее – еще десяток на алтарях, и только тогда решился запереть дверь. Мне было немного не по себе... Потом я занял свое место. Царила тишина – полная тишина, как будто мир исчез, и остался только я – совершенно один... Один – как тот рыцарь из моих грез. Я шепотом

позвал его и прислушался, действительно надеясь услышать его ответ, а затем начал играть. Это был Похоронный марш Шопена, который я переписал для органа. Размеренный поначалу, он временами ненадолго приходит в смятение – мучительное смятение звуков, – а затем следует такая светлая печаль!.. Музыка плыла и, казалось, раздвигала стены, вырывалась наружу и там катилась широкой волною... через весь мир... через весь мир, где не было даже того рыцаря – только темнота: одиночество. И мерцали свечи, и чернело распятие, и я играл, играл... Когда стихли последние аккорды – той размеренной скорби, ударил гром: как будто моя музыка продолжилась в небесах – плачем обо всех, кто один.

Грасьен замолчал. Алгар, зачарованно слушавший, взглянул на него. Тот был бледен.

– Мне так жаль, что там не было меня, – тихо сказал Алгар.

VI

Как и после предыдущей встречи, Алгар был слишком взволнован, чтобы спать. Образ Грасьена не покидал его. Вытеснив все прежние мысли и сделав малозначимыми все занятия, он один увлекал Алгара, вызывая непривычную сладость. Алгар все больше и больше убеждался в том, что Грасьен был именно тем, в ком он нуждался, – сначала бессознательно тяготея всем своим существом к некоему бережному другу, а затем осознанно стремясь к равному. Сидя на подоконнике,

он с удовольствием вспоминал его голос, мягкий и успокаивающий – такой, каким должен был быть голос ангела, принесшего благую весть; вспоминал его непринужденную и горделивую манеру держаться, грациозность его движений, его облик... Он попытался припомнить хотя бы одно произведение искусства, где был бы изображен столь же прекрасный юноша, но ничто не приходило на ум. Пожалуй, лишь ангел, парящий со скрипкой на одной из картин Гвидо Рени, был похож на него, только Грасьен был худее, а его волосы гораздо менее вьющимися. Алгар даже обрадовался тому, что его новый друг не имел себе равных по красоте не только в жизни, но даже в искусстве. О, его красота!.. Алгар закрыл глаза, улыбаясь. Он мог бы созерцать его часами, принимая его прелесть, как живительный дар. Теперь он понимал тех старинных авторов, что писали о блаженстве вечно созерцать на небесах святых и ангелов в их славе. Прежде это вызывало у него недоумение. Конечно, Грасьен не был ни ангелом, ни святым, но в его красоте присутствовало небесное, непреходящее начало – вопреки тому, что рано или поздно эта прелесть должна была его покинуть. Покинуть, но только здесь, на земле, тогда как в будущей жизни он будет именно таким, как сейчас. Если бы он мог быть с Грасьеном всегда!.. Алгар испытывал головокружение от восторга, который вызывал в нем его новый друг. Он желал выразить чем-нибудь свое чувство и как-нибудь запечатлеть Грасьена. Если бы он умел рисовать!.. Слово – привычное средство выражения – казалось бессильным. Но даже краски, наверное, оказались бы беспомощны, если бы только они не были свежестью рассвета,

ясностью зари, нежностью белой лилии...

Алгару нестерпимо захотелось, чтобы Грасьен был рядом, захотелось увидеть его, услышать его голос, ощутить теплоту его кожи... Новое желание обладать его красотою поднялось в нем, одновременно доставив наслаждение и устрашив возможностью остаться неутоленным. С пылающими щеками, Алгар спрыгнул с подоконника и, быстро сбросив одежду, раскинулся в истоме на прохладных простынях.

VII

Следующим вечером горизонт затянули темные тучи. Тревожно посматривая в небо, Алгар спешил на встречу. Когда он вышел на окраину, вдали зарокотал гром. Сердце юноши сжалось: «Нет, сегодня он не придет, ведь купаться будет нельзя...» Тем не менее, влекомый надеждой, он быстро шагал проселочной дорогой, по обеим сторонам которой рос высокий кустарник. Дальше дорога делала поворот и вела через луг вниз к реке. Солнце еще светило, но гул надвигающейся грозы становился все ближе и ближе, а ветер тяжело шумел в густой листве. «Он не придет, не придет... Зачем? В такую погоду...» – думал Алгар и прибавлял шагу. Конечно, завтра наверняка снова будет ясно, и они встретятся на прежнем месте, но... Завтра!.. Ждать весь этот вечер, ночь, утро, день... Ждать, когда он так стремился увидеть его!.. О, хоть бы скорее закончилась эта дорога! Узнать, что его нет, будет лучше, чем напрасно надеяться.

Так размышляя, Алгар дошел до поворота, а свернув, увидел Грасьена. Они радостно бросились навстречу друг другу.

– Я не ожидал, что ты придешь, – взволнованно проговорил Алгар, смущенно останавливаясь в шаге от Грасьена.

– Не хотелось обманывать тебя из-за какой-то непогоды, – ответил тот, не двигаясь и глядя на Алгара сияющими глазами. – Что будем делать? Не расходиться же по домам...

Алгар призадумался.

– Я пригласил бы тебя к себе, но мои родители... – он вздохнул с сожалением. – Они помешают. Непременно станут задавать тебе множество вопросов, а потом и мне. Они всегда желают знать, чем я занимаюсь и с кем общаюсь. Нет, это не годится.

– То же самое я могу сказать про свой дом, – произнес Грасьен, мрачнея. – Тем более, что моя комната рядом с кабинетом отца. Можно переговариваться только шепотом.

– Может быть, ты знаешь какое-нибудь укрытие?

– Нет, я еще плохо исследовал окрестности.

Оба задумались. Тем временем, тень тучи легла на них, и душный ветер повеял над полем.

– Скоро будет гроза, – сказал Алгар, посмотрев в потемневшее небо. Вдруг его осенило.

– Пойдем ко мне! – предложил он, повеселев.

– А как же... – Грасьен взглянул на него с сомнением.

– Ничего страшного! – успокоил Алгар и добавил заговорщически:

– Я кое-что вспомнил. Мы можем незаметно пробраться в мою комнату по приставной лестнице. На счастье я оставил окно незакрытым.

Грасьен оживился:
– Это напоминает мои встречи с тем рыцарем! Но что, если гроза будет всю ночь?
– Непохоже, – ответил Алгар с тайной надеждой. – Вон там уже светлеет, – он указал куда-то вдаль, где небо было сокрыто черными тучами. – Пойдем, пока не начался дождь!

Грасьена не надо было уговаривать.

Дом Алгара стоял на тихой улочке. Позади него находился большой сад – с яблонями, вишнями, рододендронами и буками, меж которых были проведены ровные дорожки, засыпанные щебнем, а на газонах разбиты богатые клумбы. Сад окружала высокая каменная ограда.
– Как же мы перелезем? – Грасьен, остановившись перед стеной, измерил ее взглядом.
– Не беспокойся, все продумано.

Алгар провел его вдоль ограды и остановился возле одного из ее столбов:
– Вот, видишь скобы?

Несколько металлических скоб были вделаны в стену.
– Великолепно! – оценил Грасьен изобретательность Алгара. – Но что же заставляет тебя ходить через ограду?
– Иногда хочется побродить где-нибудь на рассвете... Я лезу первый.

Он ловко взобрался на стену, а усевшись там, посмотрел на товарища. Найдя, что тот справится без его помощи, он спустился по другой стороне, так же оборудованной. Грасьен не уступал ему в проворности. Быстро оказавшись внизу, на мягкой невысокой траве под сенью старого дерева, он про-

шептал, довольно улыбаясь:
– Многие ли аристократы ходили друг к другу в гости через забор?
– Я вообще с радостью стал бы простолюдином, – так же тихо отозвался Алгар. – Гораздо больше свободы.

Грасьен осмотрелся. Под деревьям царил полумрак.
– Куда теперь? – спросил он.
– Теперь за мной – и осторожно, чтобы никто не увидел.
– Здесь кто-то может быть?
– Вряд ли, но надо соблюдать осторожность. Пошли, – и Алгар направился вдоль стены.
– Все, как в моем детстве, – проговорил восхищенный Грасьен.

Внезапная вспышка молнии озарила сад, и причудливые тени метнулись вокруг. Грасьен следовал за Алгаром, с интересом глядя по сторонам. Пройдя немного вдоль стены, Алгар направился вглубь сада.
– Теперь, – пояснил он, – мимо тех кустов, и мы на месте.

Первые тяжелые капли дождя упали на землю. Крадучись, юноши пробрались за невысокими кустами, миновали лужайку и оказались под окнами дома, где пышно цвели бело-розовые пионы и синие ирисы.
– Вот мое окно, – Алгар указал на второй этаж. – Сейчас я принесу лестницу.

Он завернул за угол, где стояла длинная лестница, оставленная после побелки рам. Алгар перетащил ее под свое окно и, установив, начал взбираться. Поднявшись, он легко перебрался на подо-

конник и, спрыгнув в комнату, стал ожидать приятеля. Тот столь же быстро поднялся. Алгар хотел помочь ему, но Грасьен отказался и ловко влез внутрь.
– Как в приключенческом романе! – с восторгом прошептал он. Алгар пребывал в восторге не меньшем.
– Теперь гроза может бушевать сколько угодно! – весело сказал он и увидел в глазах Грасьена радостное удивление.

VIII

– Я еще ни у кого не был дома, – проговорил Грасьен, сидя в коричневом плюшевом кресле возле книжного шкафа и обводя взглядом комнату, в которой сгустились сумерки. Он держался прямо, не опираясь на спинку, узкая изящная кисть его правой руки свободно свисала с подлокотника, а левая рука покоилась на коленях, довольно напряженно сдвинутых вместе. Алгар, тоже исполненный некоторого волнения, расположился напротив него на краю тщательно заправленной жесткой постели с резным изголовьем. Время от времени комната озарялась зловещим голубоватым светом молний.
– У тебя очень уютно, – отметил Грасьен. – И такой порядок во всем!

И в самом деле: книги стояли на полках ровными рядами, как будто по линейке, на столе, находившемся справа от окна, рядом со шкафом, бумаги лежали аккуратными стопками – вокруг небольшого деревянного распятия, и даже шторы были

убраны по сторонам чистого высокого окна особыми, упорядоченными, складками.
– Ты, наверное, следишь, чтобы не оставалось ни пылинки? – спросил Грасьен.
– Я прибираюсь сам. Во-первых, мне не нравится, если кто-то заходит сюда, а во-вторых, я же способен делать уборку самостоятельно.

Грасьену понравился его ответ.
– Я тоже обычно убираюсь сам, – сказал он.

Сверкнула молния.
– О, Боже! – Грасьен подался вперед. – Что это?

Он указал на стену справа от двери. Там, рядом с зеркалом, висела какая-то темная картина.
– Суетность, – спокойно ответил Алгар.
– Суетность? – переспросил Грасьен с удивлением.
– Да, изображение, напоминающее о бренности мира.
– Зачем тебе?..
– Это должен помнить каждый, – произнес Алгар тоном умудренного монаха.
– Разумеется, но зачем держать в своей комнате такой ужас? Я думал, у меня видение...

Грасьен встал и, приблизившись, попытался рассмотреть картину. Это был натюрморт. На богатой темно-пурпурной драпировке располагались две закрытые книги, сияющий серебряный кувшин и скрипка, а между ними лежал череп, в упор взирая на зрителя черными пустыми глазницами.
– Не понимаю, почему здесь книги и скрипка? – задумчиво проговорил Грасьен, чуть сморщившись на картину. – Что в них суетного?
– Я тоже не знаю, – отозвался Алгар, ревниво наблюдая за ним. – Но вот основной предмет превосходен. Когда я смотрю на него, все земные ве-

щи кажутся такими бессмысленными...
– О, Гамлет!.. – с легким смехом воскликнул Грасьен, возвращаясь к креслу. – Прошу тебя, – он посерьезнел, – убери это! Я не могу сидеть под этим взглядом.

Алгар покорно поднялся и, сняв картину, осторожно поставил ее за шкаф.
– Такие изображения, – он сел на свое место, – были очень распространены в семнадцатом веке. И не только картины – были броши в виде гробиков и маленькие настольные скелетики.
– Очаровательно! – усмехнулся Грасьен. – И что люди только не придумают! Для того чтобы ощущать бренность земного и помнить о вечном, не проще ли обратиться к прекрасным вещам? Музыка, поэзия, живопись: все это непреходяще, все это – напоминания о вечности! Разве можно рассмотреть ее в этих глазницах – в тленном?

С кем-нибудь другим Алгар наверняка поспорил бы, но он не хотел возражать Грасьену. Ему вообще не хотелось сейчас задумываться о чем бы то ни было – только быть рядом с ним, видеть его, чувствовать его присутствие... Он промолчал, и Грасьен тоже смолк.

IX

Гроза была над самой головой. Молнии вспыхивали одна за другою, а дождь лил прямым непрерывным потоком, глухо шумя сквозь ветви сада. Алгар зажег свечу, поставил ее на стол и, задернув плотные темные шторы, вернулся на кро-

вать. Грасьен сидел, сложив руки на коленях и опустив глаза – в позе безмолвной покорности чему-то, что было известно лишь ему одному. Мягкая светотень выявляла правильность и нежность черт его задумчивого выразительного лица, а волосы, казавшиеся в свете свечей более темными, смутно блестели, как старинное золото. Алгар, зачарованный, не мог оторвать от него взгляда. Тот же как будто вовсе не осознавал его присутствия и сидел не шевелясь, погруженный в какие-то размышления или чувства. Внезапно он поднял глаза – странно глубокие – и встретился со взглядом Алгара. Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Затем Грасьен легко поднялся и пересел на кровать.

– Какая страшная непогода! – шепотом проговорил он, не глядя на Алгара.

– Да, не хотелось бы оказаться сейчас на улице, – так же тихо отозвался тот, испытывая волнение. Грасьен был совсем близко. Алгар повернулся к нему, и их колени соприкоснулись. Ни один не отстранился. Оба чего-то ждали – чего-то значительного, решающего, необходимого... Алгар не сводил глаз с Грасьена. Тот взглянул на него. Преодолевая смущение, смешанное с завороженностью, Алгар пробормотал:

– Твои волосы так красивы при свете свечи... Можно, я развяжу ленту?

Грасьен, словно только и ждавший этого, стеснительно потупился:

– Конечно, – прошептал он. С бьющимся сердцем Алгар протянул к нему руки и, не касаясь его плеч, начал распускать черный атласный бант. Грасьен сидел, покорно замерев и не поднимая глаз. Лов-

кие тонкие пальцы Алгара быстро справились с узлом, и волосы Грасьена волнистым золотом рассыпались по плечам. Лента осталась в остановившейся руке Алгара.
– Я никогда не встречал никого похожего на тебя, – произнес восхищенный Алгар. – Никогда, даже в искусстве...

Грасьен взглянул на него застенчиво и мягко улыбнулся. Было видно, как пылают его щеки. Алгар помедлил немного, а затем, не дыша и с трепетом почти благоговейным, осторожно коснулся его волос. Ощутив их волнующую шелковистость, он провел ладонью до их концов – медленно и с таким обостренным чувством наслаждения, как будто лишь одно это движение было доступно ему. Грасьен прикрыл глаза в истоме. Алгар, с той же бережностью и едва веря тому, что происходит, скользнул тыльной стороной ладони вдоль горячей щеки Грасьена – гладкой, как лепестки роз – и, уже почти не робея в возрастающем пьянящем возбуждении, прошептал едва слышно:
– Ты так мне нравишься!..

Тотчас ласковые ручки обвили его шею, а над крышей колоколом ударил гром.
– Если бы я мог сказать, как я люблю тебя! – пылко произнес Грасьен, и его дыхание овеяло щеку Алгара. Алгар крепко обнял его и, прижав его к себе так, как будто боялся его потерять, замер в упоении. Все смешалось и исчезло для него, и остался только Грасьен – равный, близкий, явившийся из его грез, чтобы любить и быть любимым.

Они посидели неподвижно некоторое время, вслушиваясь и вчувствуясь друг в друга, привыкая к благодатной теплоте. Затем немного отстра-

нились и посмотрели один на другого, словно эти несколько минут изменили их. Легкая рука Алгара опять скользнула по волосам Грасьена. Тот приблизился к нему и осторожно коснулся губами его губ...

Все было первым для обоих, и все было значимым. Алгар в томлении прижимал Грасьена к себе, гладил по спине, целовал его личико, шею, грудь, зарывался лицом в его волосы – стремился раствориться в его животворящей красоте, а тот льнул к нему – податливый, доверчивый и нежный, – как будто желая своей нежностью утолить тайно мятущийся дух Алгара... Как святыни, касались они друг друга, и их первая близость была таинством.

X

Была уже почти полночь, когда юноши завершили все свои ласки. Гроза стихла, сад был полон шелестов падающих капель, а в посвежевшем воздухе, веявшем в приоткрытое окно, ощущался смешанный аромат трав, влажной листвы и земли.

– Мне еще никогда не было так хорошо, – прошептал Грасьен. Он лежал рядом с Алгаром, обняв его и положив голову ему на плечо.

– Мне тоже, – тихо отозвался Алгар и погладил друга по руке, которой тот обнимал его. – Я не думал, что на земле может быть так приятно.

– Я читал, что существует рай, – задумчиво проговорил Грасьен. – Нечто вроде чудесного сада, полного спелых фруктов и благоухающих цветов, где

люди ничего не делают, ни о чем не заботятся, а только прогуливаются, поют или играют. Теперь мне это кажется скучным. Вот где рай – у груди друга.

Юноши обнялись и замерли в блаженстве быть вместе. Так прошло немало времени. Вдруг Грасьен высвободился из объятий и резко сел:

– Ведь мне надо возвращаться домой!

– Тебя, должно быть, ищут по всему городу! – подхватил Алгар.

Они вскочили с постели и принялись одеваться.

– ... если случайно обнаружилось, что меня нет в моей комнате, – Грасьен поспешно застегивал рубашку.

– Ты еще никогда не пропадал? – спросил Алгар, следуя его примеру.

– Нет. Школа, прогулки, церковь – из-за органа... Родители всегда знали, где я.

– И даже, когда ты был у реки?

– Да, только я не указывал точного места.

Закончив торопливое одевание, юноши крепко обнялись.

– Если бы ты мог остаться! – прошептал Алгар, целуя Грасьена в шею.

– Если бы мы могли поселиться вместе! – с тоской отозвался тот, запрокинув голову и принимая поцелуи.

– Нам не позволят... – Алгар сжал друга в объятиях. – Если бы ты был из другого места или вообще бездомным, тогда, может быть, тебе разрешили бы остаться здесь.

– К черту эти «если»! – воскликнул Грасьен, оживляясь. – Давай сбежим!

Он чуть отстранился и посмотрел в лицо Алга-

ра, стараясь угадать в сумерках его выражение.
– Куда? – уныло отозвался тот, продолжая обнимать его за талию. – И что мы будем делать дальше?
– Увидим! Живут же как-то люди...
– Да, но что это за жизнь? И что делать с учебой? И с твоей музыкой?
– Ах да, музыка... – Грасьен поник. – Как мы все-таки несвободны в своей кажущейся свободе! Почему мы не можем поступать так, как хочется, если это желание – самое простое, самое человеческое?

Алгар прижал его к себе.
– Утром должна быть хорошая погода, – проговорил он, поглаживая Грасьена по спине. – Давай встретимся в одиннадцать часов, на нашем месте.
– Хорошо, – согласился Грасьен.

Прошло еще некоторое время.
– Мне так хотелось бы, проснувшись утром, увидеть тебя рядом, – пробормотал Грасьен, нежась в объятиях Алгара.
– Мне тоже, – отозвался тот, наслаждаясь близостью друга.
– Я не хочу уходить от тебя – даже до утра, даже на расстояние в несколько кварталов. Что я там буду делать? – уныло произнес Грасьен.
– Ждать утра, как я – здесь, – таким же голосом ответил Алгар.

Грасьен еще немного помедлил, потом поцеловал Алгара в губы и отстранился.
– Я пойду, – твердо сказал он.
– Я провожу тебя.

Они осторожно выбрались через окно, а оказавшись внизу, огляделись. Царили тишина и неподвижность, отчего казалось, что в целом мире не

было никого. Юноши прошли через сад до ворот (опасаться в такой час было некого) и пустынными улицами направились к дому Грасьена. Оба молчали. Алгар вспомнил, как в детстве провожал своего приятеля. О, если бы у него было собственное жилище!.. Или вообще не было – только какой-нибудь грот, чтобы скрываться от непогоды. Тогда никто не мешал бы ему быть вместе с Грасьеном. Всего лишь *быть вместе*!..

– Вот мы и пришли, – объявил Грасьен, останавливаясь возле раскидистого куста перед большим двухэтажным особняком. Окна были темны. – По-видимому, все спокойно.

Алгар огляделся по сторонам, после чего порывисто обнял Грасьена и поцеловал в щеку.

– Теперь иди, – пробормотал он, с трудом отрываясь от него.

– До утра! – ответил тот и, взмахнув на прощанье рукой, поспешил к воротам. Алгар постоял немного, глядя во мглу, в которой исчез его друг, а затем нехотя повернулся и направился домой. Возвратившись в свою комнату, он не мог успокоиться. Все здесь напоминало о Грасьене, и раскрытая постель оставалась измятой. Не зажигая свечи, Алгар походил взад и вперед в ликовании, потом распахнул окно, вдохнул аромат ночи, и, помедлив с радостной улыбкой, лег спать.

Прежде чем уснуть, он подумал о том, что произошло. Это, новое и значительное, каким-то образом изменило его, сделало взрослее и лучше. Да, именно лучше: он чувствовал себя так, как будто неизъяснимая чистота Грасьена освятила его, избавив от всего дурного, что было в нем – от всех страхов и подавленности, вызванных одиночест-

вом. На расстоянии такого воздействия быть не могло. Было необходимо касаться Грасьена, ощущать его всего и впитывать его нежность, позволяя ей проникать в глубины его, Алгара, существа, чтобы там вспыхнуть восхитительным мгновением – одним мгновением, являющим блаженство истинного существования. Только в соприкосновении и в том, что оно вызывало, заключалась эта удивительная сила, только в телесной близости с Грасьеном он смог коснуться его освещающей души, к которой стремился.

XI

Когда Алгар открыл глаза, комната была озарена ясным солнцем. Он все вспомнил. «Не может быть! – в восторженном удивлении прошептал он. – Не может быть!» И все-таки оно было – было чудом любви и началом новой, осмысленной, счастливой жизни.

Ощущая во всем своем существе необычайную легкость, Алгар встал и, быстро совершив туалет, спустился вниз.

– Где ты был вчера вечером?

В темной гостиной сидела мать – прямая и недвижимая, как будто выточенная из дерева, и в упор смотрела на него, замершего посреди лестницы.

– Почему ты молчишь?

Алгар сжался, не зная, что ответить.

– Ты не спускался ужинать, не появился и позднее, – ее голос был столь же бесстрастным, как и

весь облик. – В чем причина?
– Я... – Алгар схватился за лоб, словно что-то с трудом припоминая. – Ах да, я едва вспомнил! – он сделал вид, будто нечто пришло ему на ум. – У меня приключилась страшная мигрень. Я заложил уши ватой и пораньше лег спать. Было так скверно, так скверно... – его лицо приняло страдальческое выражение. – Я даже с трудом вспоминаю, что было вчера.
– Мигрень, значит? – мать испытующе посмотрела на него. Алгар выдержал ее взгляд.
– Что ж... – проронила она, смягчившись. – Садись к столу. Сейчас подадут завтрак.

Алгар никогда не отличался повышенным аппетитом, а теперь тем более. Аккуратно и без желания он разделался с пудингом, выпил чай и, сказав, что идет на прогулку за город, отправился на встречу с Грасьеном.

Все вокруг было прозрачно-чистым, омытым вчерашней грозой и ясным солнечным светом. В небе белели тончайшие перистые облака, а посвежевшие луга еще сохраняли сверкающие капли меж трав. Алгар шел привычной дорогой, не узнавая мира. Все стало иным, все приобрело смысл – непостижимый для него, но ощущаемый, будто он приблизился к тайне существования.

Как бы то ни было, ему ни о чем не хотелось думать – только чувствовать, только быть. Привыкший к почти постоянному напряжению ума – в учебе и писании стихов, теперь он с удовольствием предавался блаженной бездумности. Подойдя к зарослям ив, он, как и прежде, замедлил шаг в волнении от предстоящей встречи. Познав Грасьена, Алгар словно убедился в почти сакральности его

существа.

Он осторожно отвел ветви, и ему навстречу бросился Грасьен, полностью одетый. В одном шаге он остановился, радостно улыбаясь. Алгар тоже испытывал некоторую неловкость. Ночью, в темноте, все было проще. Постояв несколько мгновений, Алгар шагнул к другу и, мягко обняв его за талию, бережно прижал к себе.

– Какое счастье! – прошептал он, чувствуя щекой атласную щечку Грасьена.

– Все так хорошо, что я едва верю, что это моя жизнь, – тихо отозвался тот и крепче обхватил его плечи легкими ласковыми руками.

Алгар погладил Грасьена по волосам, аккуратно связанным той же лентой, потом немного отстранился, посмотрел в его порозовевшее нежное личико и приник к его губам. Нежные и горячие, они отзывались столь податливо, что у Алгара сладостно закружилась голова. С трудом оторвавшись от Грасьена, он отдышался и, подождав, пока ум прояснится, спросил:

– Дома все было в порядке?

– Да, – Грасьен опустился на песок. Алгар сел рядом. – Отец так занят транскрипцией для органа одной фортепианной сонаты, что не замечает ничего вокруг, а мать не очень следит за мной. А как у тебя?

– Мать что-то заметила, – или мне только показалось. Думаю, нам лучше встречаться здесь.

– Тогда мы будем зависеть от погоды, – Грасьен немного погрустнел. – И что мы будем делать, когда закончится лето?

– Значит, придется познакомить тебя с моими родителями, чтобы ты мог беспрепятственно прихо-

дить ко мне, – сказал Алгар со вздохом.
– А они ничего не заподозрят?
– Сомневаюсь. Они слишком мало знают обо мне. На всякий случай можно сказать, что мы вместе изучаем какой-нибудь язык и ты приходишь поупражняться.
– Неплохая мысль! Но давай все оставим на потом... – Грасьен, глядя на Алгара восхищенно и ласково, мягко коснулся его руки. Тот ответил таким же взглядом, и они, переполненные нежностью, потянулись друг к другу...

После они лежали расслабленно на полотенцах, заложив руки за голову, и смотрели в небо.
– Этой ночью, когда я вернулся к себе, – начал неторопливо говорить Грасьен, – я долго не мог уснуть. Лежал и все думал о том, что произошло. Это казалось мне (и сейчас кажется) чем-то непостижимо глубоким, чем-то вроде органного напева в величественном соборе... И как непросто вспомнить музыку в ее длительности и живости, так же трудно вспомнить эти мгновения, понять до конца, что это... Остается только впечатление, что заглянул за пределы земного существования, – Грасьен задумался. – Мне хочется сказать свои ощущения, но, видишь, я не могу.
– Я понимаю их, – отозвался Алгар. Слушая друга, он приподнялся на локте, чтобы не упустить ни слова, ибо эти слова исходили из глубины удивительной личности, которую он желал познать сполна.
– Для меня все имеет то же значение, – добавил Алгар. – Я вдумываюсь в то, что было вчера и то, что было только что, и вообще в нашу историю, и я

чувствую себя одновременно бессильным все это понять и бесконечно счастливым. Счастливым... – он улыбнулся мечтательно. – Никогда еще я не испытывал ничего, что хотя бы отдаленно напоминало мои ощущения, никогда – даже в грезах... Но, может быть, все влюбленные чувствуют себя так?
– Не все, – с уверенностью ответил Грасьен и сел, опершись о ладонь. – Я читал какие-то истории о том, что называют любовью. Там всегда присутствовала только видимость, только поверхностный пыл, только недолгое *слепящее* чувство... Нет, у нас все совсем, совсем иначе, – взяв Алгара за руку, он крепко сжал ее и произнес, прямо и серьезно глядя в его глаза:
– Ты подарил мне жизнь. Конечно, это звучит высокопарно, но это так. То, что было до нашей встречи, было бессмысленностью – небытием.

XII

Небытием было одиночество: это знали оба. Но то, что являла им их дружба, было столь огромным, что они замирали в радостном удивлении, как будто выйдя из теснины пустынных кряжей на отрог, с которого открывается вид на бескрайний простор.

Теперь юноши почти все время были вместе, кроме часов сна. Они встречались на берегу или дома у Алгара, пробираясь тем же путем: Алгар не спешил знакомить друга со своими родителями. Не знал он и родителей Грасьена, обладая лишь смутным представлением, составленным по его

кратким упоминаниям. Во всем этом тоже присутствовало свое очарование: Грасьен словно в самом деле не принадлежал этому миру, был чудесным явлением, милостиво существовавшим для одного Алгара. Отношение Алгара к Грасьену было таково, что он даже ему самому не признавался в этом до конца: он почти благоговел перед ним. Благоговел перед его красотой и еще более – перед его преданной любовью. Грасьен был для него воплощенной любовью – той необходимостью, о которой он томился.

В их отношениях не было ни ложной чувствительности, ни случайного порыва: они были истинны, основательны и неизбежны, были отношениями равных. Грасьен не ошибся, когда сказал, что их чувства отличны от того, о чем он немного читал. Алгар вспоминал своих школьных сотоварищей и их первые увлечения, о которых ему доводилось слышать. Эти увлечения всегда несли с собой, как весенний поток, немало нечистого, низменного – *только плотского*. И могло ли быть иначе? Те юноши вступали на совершенно иной путь, готовились к совершенно иному существованию – неизмеримо более простому, бездумному, земному. Их влюбленности были влечением плоти к плоти – зародышем гибели. Недаром так бежали аскеты чувственных привязанностей к другому полу – капкана для духа.

То, что сложилось у него с Грасьеном, решительно отличалось от обычных отношений. Их влечение друг к другу было влечением духа, тогда как тела являлись только преградой, которую следовало преодолеть, чтобы коснуться на мгновение обнаженной манящей души другого. В их любви

присутствовало Бытие, и оттого они сами еще не могли осознать всю ее значимость.

ЧАСТЬ II

I

В прекрасных вещах присутствует животворящее начало, но есть в них и нечто мучительное. Ими почти невозможно насладиться сполна, ибо в них столько наслаждения, сколько в этом мире душа не может воспринять, не страдая. Поэтому иногда Алгар, любуясь другом, испытывал чувство, близкое к крайней растерянности – или даже страху. Ему казалось, что он мог бы смотреть на него сколь угодно – до усталости, до слепоты, и все равно было бы мало. Он мог ласкать его вновь и вновь, прослеживая нежными губами и чуткими ладонями легкие линии его тела, пока не сливался с ним воедино, – и вскоре опять испытывал желание. Есть красота, превосходящая силы души, еще заключенной в теле. Есть явления, не вмещающиеся во время. Нечто гибельное присутствует в таком удовольствии, которое больше способности духа: легче умереть, чем насладиться полностью. Умереть, чтобы насладиться.

Кажется, легче погибнуть, чем тебя воспринять,
красота!
Погибнуть, чтобы тебя во всей полноте воспринять.
Ты – явление вечности, молнией жгущее душу,
Чтоб ее воскресить к непреходящей Любви...

– Только там все возможно.

Алгар замолчал и, открыв глаза, посмотрел на Грасьена почти в изнеможении. Тот, внимательно слушавший его стихи, полулежал на мягком белом полотенце. Его волосы были еще влажны после купания, а щеки нежно розовели сквозь легкий золотистый загар.

– Ты слишком высоко ценишь меня, – тихо сказал он, глядя на Алгара с признательностью. – Я всегда считал себя самым обыкновенным.

Алгар, сидевший перед ним на пятках, с прямой спиной и положив руки на колени, смотрел на него с обожанием.

– Ты прекраснее всего, что я видел, – прошептал он. – Прекраснее самой музыки. И точно так же, как невозможно до конца воспринять ее – движущуюся, ускользающую, обещающую что-то неизвестное... блаженное... так невозможно сполна постичь тебя, – тень муки скользнула по его лицу. – Только там все возможно, – повторил он едва слышно, обращая взгляд к небу, голубевшему сквозь серебристую листву склонившейся над ними ивы. – И в некоторые мгновения – здесь... – он благодарно улыбнулся Грасьену. Тот, немного смущенный, покачал головой в приятном удивлении:

– Ты говоришь такие странные вещи...

– Жаль, что ты не можешь разделить мое восхищение, – серьезно произнес Алгар.

Грасьен слегка улыбнулся и ответил со свойственной ему беззаботностью:

– Нарцисс восхитился своим отражением, и это плохо закончилось для него.

– А потом он был превращен в цветок. И Гиацинт тоже, – Алгар прикрыл глаза. – И они цветут из

года в год и будут цвести до конца мира. А тех юношей здесь нет...
– Их, наверное, вообще не было, – спокойно отозвался Грасьен. Он зачерпнул ладонью песок и медленно высыпал его, задумчиво наблюдая за тонкой струйкой.
– Может быть, и так, – серьезность не покидала Алгара. – Но подумай: красота цветов повторяется сколь угодно, а человеческая – нет.

Он замолчал на мгновение, после чего добавил, опустив голову:
– Она просто проходит.

Какое-то незнакомое подавляющее чувство вдруг охватило его. Нет, его друг всегда будет таким, как сейчас! Всегда будет красивым, нежным юношей – одним из самых прекрасных созданий. Всегда – там, где нет искажающего времени и где больше ничто не помешает им быть вместе... Алгар быстро придвинулся к Грасьену и крепко прижал его к себе во внезапном томлении о его почти невыносимой красоте.

II

Однажды, когда юноши сидели, по своему обыкновению, на берегу реки, Алгар сказал:
– В нескольких милях отсюда находится превосходный средневековый монастырь. Он был покинут сто лет назад. Я часто там бывал: он мне очень нравится. Давай завтра сходим туда!

Грасьен, любивший древние и загадочные вещи, с радостью принял его предложение.

– Еще одно его достоинство в том, – продолжал Алгар, – что в часовне замечательная акустика. Я однажды пробовал там петь. Было бы хорошо, если бы ты захватил с собой скрипку, и я мог бы услышать твою игру.

Грасьен воодушевился еще больше:

– Хорошая акустика? – повторил он. – Непременно захвачу скрипку. Я еще никогда не играл в монастыре.

– Значит, завтра – идем! – подытожил Алгар.

На следующий день, когда солнце только начало подниматься над горизонтом, юноши отправились к монастырю. Дорога сначала вела через неширокое поле, а затем пошла лесом. Прохладный воздух был напоен запахами земли, мха и грибов, сквозь листву пробивались лучи солнца, искрясь в растянутых паутинках, а птицы пели свой радостный утренний гимн.

– Как хорошо! – воскликнул довольный Грасьен, осматриваясь. – За все то время, что я прожил в этих местах, я ни разу не бывал так далеко за городом. А куда ведет этот путь?

– В соседний городок. Теперь, когда провели железную дорогу, здесь почти не ездят.

– Да, это заметно.

Впереди дорогу перегораживала упавшая береза. Дойдя до нее, юноши опустились на толстый ствол, чтобы немного отдохнуть.

– Почему мы на природе чувствуем себя уютнее, чем среди людей? – спросил Алгар. – Даже если среди них не очень плохо, наедине с природой почему-то все-таки лучше.

– В ней больше дружелюбия, – ответил Грасьен. –

Или же нам так хочется. От людей всегда ждешь что-то неприятное. Хотя природа тоже может быть враждебной... Прежде, когда я задумывался о таких вещах, я ощущал себя маленькой беспомощной частицей, и мне становилось не по себе.
– А теперь?
– Теперь... – Грасьен улыбнулся. – Теперь есть ты, и мне больше ничто не страшно.

Он поцеловал Алгара в щеку, и от него повеяло теплом – таким приятным в прохладное утро. Алгар обнял его за плечи и привлек к себе. Посидев так немного в молчании, они отправились дальше.

Вскоре путь вывел их на широкий луг, нисходивший к реке, над которой возвышался довольно крутой холм. Его увенчивало большое многосложное серое здание с острыми фронтонами и пинаклями, изломанные четкие формы которого одиноко вырисовывались против ясного неба, как останки некоего огромного существа. Это был тот самый монастырь. Грасьен остановился, зачарованно глядя на него.
– Чем-то напоминает твой замок? – спросил Алгар.
– Нет, – Грасьен снова неспешно зашагал. – От него остались только руины, а этот монастырь сохранился почти полностью. У меня сейчас такое ощущение, как будто я оказался в прошлом.
– Да, мне тоже всегда так казалось, когда я приходил сюда. И, смотри, в округе нет ни одного нового строения!
– Главное, нет железной дороги, – с удовлетворением отметил Грасьен.
– Они тебе не нравятся? – удивился Алгар.
– Да. Слишком много шума и дыма.

– И Джон Рёскин того же мнения! – обрадовался Алгар. – Ты читал его труды?
– Нет.
– Советую. У него много здравых мыслей. Он тоже выступает против новшеств, больших городов, фабрик... Он считает, что они не позволяют человеку жить, превращают его в машину. «Мы производим все, кроме человека», – утверждает он. И ведь верно же!
– Несомненно, – Грасьен явно был увлечен монастырем. – Но ты только посмотри, как хорошо он выглядит даже в таком возрасте!
– Подожди, вблизи будет еще занятнее, – пообещал Алгар.

Они спустились к реке. Эта была та же самая река, на берегу которой им нравилось проводить время. Здесь она была уже, а берега, также поросшие кустарником, более каменистые. В одном месте через нее был переброшен мост, сложенный из крупного темного камня и поддерживаемый двумя опорами. Вид он имел чрезвычайно древний.
– Интересно, его выстроили в одно время с монастырем? – произнес Грасьен.
– Едва ли, – усомнился Алгар. – За столько лет он разрушился бы.

Они осторожно перешли через мост на противоположный берег и начали взбираться на холм. Его покрывала невысокая трава, над которой поднимались белые зонтики цветущего орляка, а местами цеплялись небольшие кусты. Достигнув вершины, оба юноши учащенно дышали. Они остановились перевести дыхание и окинули взглядом окрестности. Внизу петляла река, выглядевшая отсюда темно-синей, а кругом поднимались гряды

невысоких холмов, отчасти покрытых кустарником. Зеленые с пятнами желтовато-серого вблизи, они, по мере удаления, приобретали голубоватый оттенок, а на горизонте становились призрачно-сиреневыми, как неясная греза. Отдохнув, юноши направились дальше, осторожно пробираясь вдоль пепельно-серой стены к воротам. Ворота давно исчезли, и на их месте был только пустой проем. Алгар и Грасьен вошли во двор. Монастырь, возведенный из булыжника, скрепленного раствором, вблизи выглядел еще более печально. В уныло-серых стенах темнели узкие оконные проемы, а за углом возвышалась часовня, над фронтоном которой стоял черный крест, как сосредоточенное одиночество этих безлюдных мест.

– Чем-то похоже на крепость, – сказал Грасьен, внимательно рассматривая здание.

– Крепостью это и было, в которой монахи укрывались от мира, – объяснил Алгар со знанием дела и повел друга ко входу. Дорожка туда, некогда выложенная ровным камнем, была едва различима.

– Кто-то ходил здесь в давние времена, – задумчиво проговорил Грасьен, глядя под ноги, – а теперь сама тропа почти исчезла – как их следы.

Юноши остановились перед сводчатым входом, над которым располагалось стрельчатое окно. Здесь тоже не было дверей, и сквозь пустой проем зияла темнота.

– Мрак веков! – страшным шепотом произнес Алгар.

– Или – идей, – отозвался Грасьен, с сомнением заглядывая внутрь от порога. – Ты уверен, что здесь безопасно?

– Конечно, – заверил его Алгар. – Я был здесь этой

весной.

Он порылся в сумке, которая висела у него на плече, и достал свечу и спички.

– Там очень хорошо, – произнес Алгар, поднося спичку к фитилю. – Пойдем! – и он нырнул внутрь.

Мерцание свечи озарило начало широкого пустынного коридора, который дальше пересекали полосы света. Грасьен прижался к Алгару.

– Боже милостивый, где мы? – воскликнул он почти в страхе, и отзвуки его негромкого голоса безнадежно отдались в пустоте. Алгар взял его за руку и уверенно повлек за собой.

– По обе стороны этого коридора были кельи, – начал он охотно рассказывать. – Вот там, где видны просветы, – входы в них. У некоторых еще сохранились двери. Дальше по коридору находился рефекториум (обеденный зал) и рядом с ним – библиотека. Затем коридор поворачивает направо и ведет к часовне.

– И куда мы сейчас пойдем? – спросил Грасьен. Ему явно было неуютно.

– Если хочешь, сначала осмотрим здание, – предложил Алгар, чувствовавший себя здесь, как дома. – Или сразу – в часовню.

– Давай в часовню, – выбрал Грасьен. Алгар погасил свечу, так как дальше по коридору было достаточно света, падавшего из келий, освещенных солнцем.

– Как ты мог приходить сюда один! – изумился Грасьен, осторожно ступая, словно боясь провалиться.

– Так же, как ты ходил в свой замок.

– Но то было гораздо ближе, и там почти не со-

хранилось закрытых помещений.
– Здесь нечего бояться, – уверенно произнес Алгар, сжимая руку Грасьена. – К тому же это святое место.

Юноши подошли к часовне. Алгар с усилием толкнул черную скрипучую дверь, и поток солнечного света озарил их.
– Вот и часовня! – возвестил он и вошел первым.

Это было просторное помещение с высокими сводами и рядом узких окон, в которых давно исчезли витражи и виднелось ясное голубое небо. Полосы солнечного света падали сквозь них на истертые серые плиты пола и темные ряды изъеденных временем скамей. На стенах сохранились остатки фресок – чьи-то лики, части одежд, пальмовые ветви... Неподалеку от входа виднелось полуосыпавшееся изображение двух перекрещенных белых лилий – символов девственной чистоты: возможно, остаток картины Благовещения. Алгар остановился под ними.
– Послушай! – прошептал он, подняв палец. Грасьен прислушался, но ничто не доносилось до его слуха.
– В эту тишину, – с благоговением заговорил Алгар, – обратились все песнопения и молитвы, которые когда-то раздавались здесь, – вся та жизнь, что прошла в этих стенах. Когда я приходил сюда, мне казалось, что достаточно некоего усилия, чтобы услышать все эти исчезнувшие звуки.
– Я раньше не мог понять, куда исчезает прошлое, – негромко сказал Грасьен. – Вот оно было и его нет. Как это? Мне думалось, что оно должно сохраняться там, где прошло: вроде как оседать невидимой пылью.

– Занятное предположение! А что ты думаешь теперь?
– Даже не знаю... – проговорил Грасьен, ступая вперед. – Давай осмотрим часовню!

Они неспешно двинулись вдоль стены к алтарю, изучая остатки росписей.
– Какая странная картина! – Грасьен поднял руку, указывая на взирающий со стены нарисованный черный глаз. – Образа нет, а глаз остался.
– Да, даже немного жутко, – согласился Алгар. – Не оттого, что он вот так пристально смотрит, а потому, что неизвестно, кто это был. Кто-то, затерянный в неизвестности.
– Как мы, когда одни, – тихо отозвался Грасьен. Он сделал пару шагов и коснулся фрагмента чего-то голубого на стене.
– Пыль прошедших веков! – объявил он, глядя на следы краски, приставшей к кончикам пальцев. – Sic transit gloria mundi![*] – Грасьен стряхнул голубой порошок. – Все проходит.

Он говорил со свойственной ему беззаботностью.
– Ты тоже задумывался о таких вещах? – спросил Алгар, всматриваясь в лицо друга.
– Задумывался? Нет. Все открывалось как будто само собой.
– Все необходимые представления?
– Да. Я думаю, что мир гораздо проще, чем полагают люди. Только одни могут понять это быстро, а другие долго размышляют над смыслом жизни и не всегда находят ответ.

[*] «Так проходит мирская слава» – *лат.*

Грасьен медленно направился дальше, и Алгар последовал за ним. Он знал это место наизусть, но теперь, бродя здесь с другом, видел его по-новому. Сама жизнь виделась ему по-новому теперь, когда Грасьен был с ним.

Грасьен взошел по источенным ступеням в пустой хор, где из высокого узкого окна падал солнечный луч, и, окинув взглядом стены с осыпавшейся побелкой, обернулся к Алгару. Глаза того распахнулись в удивлении.

– Встань чуть правее, – попросил он взволнованно.

Грасьен повиновался, не понимая, чего тот желает, и оказался как раз в луче. Алгар застыл на месте. Его друг выглядел столь светлым, нежным и чистым, как будто был создан из света – нездешнего радостного света... Помедлив, Алгар приблизился к нему и, розовея, приобнял его за плечи, собираясь развязать ленту, сдерживавшую его волосы.

– Что ты делаешь? – прошептал заинтересованный Грасьен.

– Потом... – Алгар осторожно распустил бант, расправил рассыпавшиеся по плечам Грасьена пышные локоны, в которых замерцали золотые искорки, и отступил. Его щеки стали еще алее, а взгляд выражал такое благоговейное восхищение, что Грасьен смотрел на него с изумлением. Полюбовавшись, Алгар опять подошел к нему и поправил пряди, обрамлявшие лицо Грасьена.

– Стой так, – тихо сказал он и отошел. На отдалении он оглянулся и замер, отдавшись очарованию явленной ему картины. На пустом возвышении в апсиде, под голубой продольной полосой оконного

проема стоял в непринужденной позе его друг, и луч солнца, как благословение, озарял его голову, отчего волосы сияли золотым ореолом. Преисполненный наслаждения, Алгар опустился на колено.
– Ангел, – шепотом произнес он для самого себя. – Настоящий ангел!

Грасьен застенчиво улыбнулся. Позволив Алгару посмотреть еще немного, он сошел к нему.
– У тебя сейчас такой вдохновенный вид, что я сожалею о том, что я не художник, – сказал он, становясь подле Алгара. Тот поднялся.
– Как я счастлив, что у меня есть ты! – проговорил Алгар, желая обнять Грасьена, но почему-то не решаясь. Тот улыбнулся, смущенно и радостно, и молча прильнул к нему, ласково обвив его шею руками. Так стояли они некоторое время посреди смолкшей часовни, и вечное славословие любви длилось в них биением любящих сердец. Все проходит, – лишь эта теплота не знает конца. Так есть и так будет для них всегда! Алгар слегка отстранился от Грасьена, взглянул в его глаза, лучившиеся нежностью, и мягко коснулся губами его губ – на одно мгновенье.
– А теперь сыграй мне что-нибудь! – попросил он, выпуская друга из объятий. Грасьен ждал этой просьбы. Взяв скрипку, оставленную при входе вместе с сумкой Алгара, он вынул ее из чехла – блестящую, янтарно-коричневую, как будто многими солнечными вечерами прогретую, и отошел к алтарю – по-прежнему с распущенными волосами. Алгар присел на одну из скамей. Грасьен немного помедлил в раздумье, затем его лицо приняло сосредоточенно-вдохновенное выражение, и он, приложив скрипку к плечу, коснулся смычком

струн. Зазвучала медленная глубокая мелодия, нежная до печали: как благодарственная молитва ясной и чуткой души. Высокие своды усиливали ее, отчего казалось, что к ней присоединяются давно замолкшие голоса часовни. Алгар неотрывно смотрел на Грасьена, и его исполняло ощущение неизъяснимого вечного блаженства. Еще никогда он не был так близок к тому, что искал, как в это мгновение красоты. Он закрыл глаза и отдался музыке. Нет, то была сама душа – душа Грасьена, обращенная в ласкающие звуки и говорящая к его, Алгара, сущности. Ему захотелось молиться, благодаря за этот миг, за Грасьена, за музыку, но не было слов – только это всепоглощающее чувство, превратившееся в одно со звучанием скрипки. Оно и было молитвой. Алгар скрыл лицо руками, в одной из которых держал ленту Грасьена, и так просидел, не шевелясь, до конца игры.

Когда последние отзвуки стихли в высоте, он решился открыть глаза. Грасьен, слегка улыбаясь, направлялся к нему.

– Что это была за композиция? – изменившимся голосом спросил Алгар.

– Мои чувства после нашей первой ночи, – негромко ответил Грасьен, встав рядом с ним.

– Мне очень понравилось, – просто сказал Алгар, зная, что неспособен сказать больше. – Спасибо, – он благодарно коснулся руки Грасьена. – И за ту ночь – тоже.

III

После игры Грасьена юноши продолжили осматривать монастырь. Алгар, знавший наизусть все его уголки, уверенно вел друга, рассказывая то, что ему было известно о монахах и то, что рисовало его воображение.

– Вот в этой келье, – произнес он, останавливаясь на пороге, – жил, наверное, очень старый и очень мудрый монах, вроде Иеронима. Вот здесь стоял письменный стол, за которым он изучал Библию и писал трактаты. А та келья, – он перешел к следующей двери, – принадлежала молодому послушнику. Ему жилось здесь очень трудно, так как приходилось бороться со многими искушениями.

Грасьен, нахмурив брови, посмотрел в тесное помещение, в котором не было ничего.

– Я мог бы понять его, – сказал он. – Я вообще не вижу разницы между монастырем и темницей. В обоих случаях человек лишен свободы.

– Ты просто не все понимаешь, – мягко возразил Алгар. – В монастыре человек как раз и обретает свободу – свободу от мира.

– И посреди мира можно быть независимым от него, – ответил Грасьен.

– Да нет же, ты не понимаешь... – Алгар хотел объяснить, но, взглянув на скучающего Грасьена, не стал продолжать.

– Пойдем дальше, – пригласил он и повел его к библиотеке. Они прошли сквозь чередующиеся полосы света и тени и оказались перед темной тяжелой дверью. Алгар потянул за ручку. Дверь тревожно заскрипела, и неприятный звук эхом раскатился по длинному коридору, будто крик. Алгар

ступил внутрь. Здесь было просторно, сумрачно и тоже пусто.
– Хоть бы одна книга осталась, – с надеждой проговорил Грасьен, входя вслед за Алгаром. – Какой-нибудь древний манускрипт...

Он заложил руки за спину и неторопливо двинулся по истертым плитам вглубь помещения.
– Книга? – переспросил Алгар, следуя за ним. – Зачем?
– Взяли бы себе на память, – задумчиво ответил Грасьен, обводя взглядом стену с неясными остатками скудных росписей. – Мне нравятся старинные книги. В них присутствует особый дух – прошлого и тех, кто их читал.

Он достиг дальней стены и так же медленно пошел вдоль нее, пытаясь рассмотреть фрески. Алгар не отходил от него. Вдруг Грасьен остановился.
– Смотри! – он показал на стену. – Здесь какая-то ниша!

Алгар встрепенулся:
– Где?
– Да вот же, – Грасьен обвел рукой едва заметное прямоугольное вытянутое углубление, выявленное косо падавшим из окна светом.
– Я столько раз бывал здесь и не замечал! – у Алгара даже голос осип от возбуждения. – Что это может быть? – он вопросительно взглянул на Грасьена. – Спрятанные реликвии?
– Книги? – прошептал Грасьен, жадно глядя на стену. – Давай посмотрим!

Алгар постучал по середине углубления. За тонкой перемычкой явно была полость. Он осмотрелся в поисках какого-нибудь орудия.

– В коридоре я видел кусок кирпича, – сказал Грасьен.
– То, что надо! – и Алгар бросился к дверям, оставив Грасьена в нетерпении. Скоро он вернулся с острым обломком.
– Сейчас увидим, что там, – пробормотал он, покусывая губы в предвкушении. – Отойди, чтобы не запылиться.

Грасьен отступил к окну и стал там, наблюдая. Алгар еще раз простучал нишу и, чуть помедлив, решительно ударил по стене. Образовалась дыра размером с кулак. Алгар осторожно взглянул на нее.
– Тонкая кладка, – сообщил он. – Быстро справимся.

Он ударил еще несколько раз, прикрывая другой рукой глаза от пыли. Проем увеличивался. Грасьен потирал руки. Алгар нанес еще пару ударов, подождал, пока осядет пыль, и с опаской приблизился к отверстию.
– О Боже!

Он отшатнулся, побледнев. Грасьен бросился к нему в тревоге.
– Что там? – спросил он, схватив его за плечо.
– Чьи-то останки, – почти беззвучно проговорил Алгар, глядя на Грасьена расширившимися от ужаса глазами.

Грасьен слегка вздрогнул.
– И всего лишь? – с разочарованием сказал он и взял Алгара за руку. – Ну и пусть себе лежат. Пойдем отсюда.

Они поспешили в коридор. Выйдя, Алгар с силой захлопнул дверь. Даже в неясном свете было видно, сколь он бледен.

– Как это неприятно! – пробормотал Алгар, увлекая Грасьена за собой. – Как неприятно... – повторил он, идя так быстро, что звук шагов отдавался меж стен, как будто кто-то гнался за юношами. – Такие белые!.. Такие мертвые...
– Ты никогда не видел ничего подобного? – Грасьен искоса взглянул на Алгара. На лице того застыло выражение страха и брезгливости.
– Нет. А ты?
– Тоже. И сейчас забыл посмотреть, – голос Грасьена был совершенно спокоен. – Вот уже и выход.

В конце коридора виднелся проем, сквозь который лился солнечный свет. Алгар бросился туда бегом, по-прежнему не выпуская руки Грасьена. Оказавшись на улице, он с облегчением вздохнул. Краска начала возвращаться к его щекам.
– Ты бывал на кладбищах? – спросил Грасьен.
– Да, и не раз, – Алгар прислонился к стене, отдыхая.
– Почему же так испугался сейчас? – мягко произнес его друг. – Ведь на кладбище то же самое.
– Но там... не видно, – с запинкой произнес Алгар.
– А как же твоя суетность? – напомнил Грасьен, мягко улыбаясь.
– Это всего лишь картина. Но увидеть своими глазами... – Алгар опустил голову, и его брови сдвинулись.
– Интересно, почему его похоронили в библиотеке? – проговорил Грасьен. – Может быть, это был твой ученый монах?
– Возможно, что кто-то любивший науку. А другие продолжали там заниматься... – Алгар не мог до конца оправиться от потрясения. – Подумай, как они могли заниматься? – он со странной серьезно-

стью взглянул на Грасьена.
– А почему бы нет? – ответил тот и добавил шутливо:
– Он лежал себе смирно и никому не мешал.
– Да я не об этом... Какой смысл они могли видеть в занятиях? – Алгар почти с отчаянием смотрел в глаза Грасьена. – Какой смысл, если все должно закончиться вот так – прахом?

IV

Юноши вернулись в город вечером. Алгар дошел с Грасьеном до его дома. Угнетающее впечатление исчезло за время обратного пути, и теперь оставались только приятная усталость и воспоминание о музыке.
– Спасибо тебе за этот день, – сказал Алгар, благодарно улыбаясь. Они стояли за кустом возле ворот. На улице было мало прохожих, а в воздухе ощущался аромат цветов.
– Это тебе спасибо, – ответил Грасьен с застенчивой улыбкой. – Мне каждое мгновение с тобой приятно.

Им очень хотелось поцеловаться, но они не решались сделать это на улице при свете дня. Алгар взял руку друга и ласково сжал в своих ладонях.
– Встретимся завтра у реки, в четыре часа, – проговорил он, глядя на Грасьена.
– Хорошо, – Грасьен влюбленно смотрел в его глаза. Каждый раз им было трудно расставаться, как будто встреча была последней. Помедлив, Алгар

выпустил руку Грасьена, как пойманную птицу.
– До завтра! – сказал он и нехотя направился в сторону своего дома.

Дома Алгар поужинал, тяготясь общества родителей, желавших знать, чем он занимался весь этот долгий день, и заперся в своей комнате. В его душе все еще звучала музыка Грасьена – ясная, успокаивающая, влекущая в какую-то блаженную даль; музыка, неотделимая от самого Грасьена – от его прелести, свежести и чистоты. Алгар, сидя в кресле и подперев лоб ладонью, вспоминал его игру, желая вызвать пережитое им впечатление молитвы и живой образ друга, но сквозь эти мысли, сквозь все его существо нарастал, оттесняя разум и волю, безотчетный страх. Музыка затихала, а образ Грасьена затуманивался, отступая перед расширяющимся провалом в неизвестность. Что было там? Что он увидел посреди своего блаженства? И – зачем?

Зачем? Алгар вспомнил свою жизнь до Грасьена – однообразную и унылую – и сравнил ее с тем, что было теперь. Тогда ничто не тревожило его, кроме привычной тоски о друге. Теперь, когда он обрел его, обрел покой, этот покой был неожиданно нарушен. Зачем?

Последние три года Алгар прилежно и с увлечением изучал христианство – насколько это было в возможностях его юного ума. Жития святых, история ранней Церкви, эсхатологические трактаты, толкования Библии – все это образовывало его сознание и видение мира. Постепенно он стал воспринимать теологию как неоспоримую истину, а жизни христианских подвижников – как образец

для подражания. По ночам он зажигал лампаду перед настольным распятием и, бережно раскрыв толстую католическую Библию, погружался в мир таинств и аллегорий, с волнением ощущая себя средневековым монахом. Получив представление об экзегезе – толковании Святого Писания, он пытался сам постичь скрытый смысл библейских историй и выражений. Он мог часами размышлять над каким-нибудь образом, доискиваясь сути, пока голова его не склонялась на книгу, а в сознании не начинали проноситься замысловатые картины, соперничавшие с видениями Иезекииля.

В школе хвалили его латынь, а родители – ревностные протестанты – радовались его познаниям в библейской истории, не подозревая, что сын отвернулся от их религии. Алгар желал принять католическое вероисповедание – желал не потому, что находил его правым, но потому, что все те, о ком он читал и перед кем преклонялся, были католиками. Фома Аквинский, Альберт Великий, святой Колумбан были его излюбленными авторами, а источником вдохновения – история святого Винцента, жившего в III веке в Испании. Во время гонений Диоклетиана на христиан, Винцент был архидиаконом. По указу императора духовенству надлежало оставить свои обязанности, но Винцент продолжал исполнять их, из-за чего был взят под стражу и предан пыткам. Его вздергивали на дыбе и терзали железными крюками, однако он сохранял такое спокойствие, как будто происходившее не касалось его. Он даже сказал палачу: «Ты оказываешь мне добрую услугу, ибо я всегда желал подтвердить своей кровью веру в Христа. То, что ты стараешься разрушить, есть лишь хрупкий со-

суд, которому все равно должно разбиться. Но тебе никогда не удастся ранить того, кто внутри и кто завтра будет твоим судьей».

Питаемый подобными примерами, Алгар предался довольно строгой аскезе: убрал с кровати перину и подушку; вынес из комнаты те предметы, что казались ему излишними, – несколько старинных ваз, два пейзажа и бронзовые часы; стал бодрствовать по ночам, стараясь приучить себя спать мало; отказался от любимых им сладостей; в церковные праздники ночи напролет простаивал коленопреклоненный, молясь и читая Библию, а боль в утомленных коленях и спине воспринимал как дополнительную возможность укрепить свой дух.

Юношеская неопытность и пылкость не позволяли ему отделить истинное от ложного, отобрать для себя действительно необходимое. Он читал все подряд и верил всему, что происходило из-под пера людей Церкви, считая, что одно их положение делает их заслуживающими доверия и почтения. Ему недоставало мудрого руководства, и он забирался в одиночку все дальше и дальше в дебри бесплодных теологических умозрений, удаляясь от Истины в слепящей любви к Ней.

Зачем же было нарушено его блаженство? Алгар вспомнил, как Грасьен попросил убрать со стены суетность. Он же и нашел нишу в стене, где открылась «суетность» гораздо более красноречивая. Ум Алгара, привыкший разгадывать библейские аллегории, соединил оба события, и от сделанного вывода Алгар содрогнулся. Кости в стене были ничем иным как указанием на его отпадение от

религии, напоминанием о том, что таилось под счастливой поверхностью и ожидало его – отступника. Тот мертвец был он сам, забывший Христа ради человека.

Алгар сполз с кресла и стал на коленях, закрыв лицо руками, как будто от страшного видения. «Не может быть, – пробормотал он, – не может быть...»

V

Ночь прошла беспокойно. События прошедшего дня, книжные истории и собственные представления смешивались в утомленном сонном разуме Алгара в зловещую фантасмагорию. Вот, виделось ему, из темной глубины зеркала наплывает нечто совершенно черное, наливаясь тяжестью, круглея, каменея, не позволяя шевельнуться и глядя цепенящим пустым взглядом в самую его сущность. Он пытается вырваться, но оно крепко держит его, выявляясь все более и более, пока он в ужасе не узнает в нем череп. Тот самодовлеюще висит в темном пространстве, которое медленно струится вокруг, подобно воде. «А может быть, там утопленник...» – тихо говорит Грасьен и бросает на Алгара пустой взгляд. Алгар кричит – и не слышит своего голоса. Он силится пошевелиться, но не чувствует себя. «Грасьен! Грасьен! Господи!..» Вновь и вновь он пытается кричать, вновь и вновь старается произвести хоть какое-нибудь движение, но безуспешно. Наконец, ему удается двинуть рукой. Она что-то пробивает, и в темной нише он видит самого себя...

Проснулся Алгар от ощущения теплого луча на лице. «Грасьен!..» – с нежностью подумал он, не размыкая век, и шевельнул рукой, желая коснуться друга. Было тихо и спокойно. «Грасьен!» – снова позвал он, и звук собственного голоса развеял остатки дремоты. Он открыл глаза. Солнце ярко освещало комнату. Алгар слабо улыбнулся ему, как избавителю, и поднялся со сбившихся простыней.

В назначенный час Алгар снова был у реки. Приблизившись к ветвям, которые скрывали берег, он остановился и посмотрел сквозь листву. Грасьен лежал на песке, как вынутая из воды лилия: еще влажный после купания, слегка посмуглевший за лето – лилия в вечернем солнце – и беззащитно-нежный. Он о чем-то мечтал, расслабленно заложив руки за голову и глядя в небо, где медленно плыли кучевые облака. Алгар осторожно вышел из-за кустов. Грасьен, заметив его краем глаза, вскочил и в привычном движении радости бросился ему навстречу. Алгар раскрыл ему объятия и, приняв его, тотчас забыл о своих ночных страхах. С ним был его друг; имело ли значение то, что было в стене забытого монастыря?

– Ты сегодня очень бледен, – обеспокоенно заметил Грасьен, отстранившись. – Наверное, плохо спал?

– Да, немного беспокойно, – пробормотал Алгар, не желая вспоминать ночь. – А как отдохнул ты?

– Благословенно! – будто ты был рядом. Ты мне снился... – озорные искорки замерцали в глазах Грасьена.

– И что же я делал? – полюбопытствовал Алгар с любящей улыбкой.

Грасьен улыбнулся кокетливо:
– То, что ты делаешь иногда наяву.
– Тогда пусть твой сон повторится! – игриво ответил Алгар и обнял его за талию...

Потом они купались.
– Как жаль, что лето идет к концу! – сказал Алгар, держась на воде.
– Будем встречаться дома у кого-нибудь из нас, – отозвался Грасьен, плавая возле него. – Вместе везде хорошо.

Им действительно было хорошо, и не о чем было беспокоиться. Чувство глубокого мира опять владело Алгаром, и он казался самому себе подобным листу, который воды неспешно влекут все дальше и дальше – туда, где за холмом голубеет бестревожное небо...

Когда они вышли на берег и устроились на расстеленных полотенцах, Грасьен попросил:
– Прочти мне что-нибудь из своих стихотворений!

Алгар подумал немного, затем сел, положил руку на согнутое колено и, прикрыв глаза, заговорил негромко:

Жизнь кажется прекрасной,
когда ты смотришь на меня
всепонимающим и нежным взглядом,
подобным дымке голубой в дали,
где небо и земля нам кажутся едины.
Жизнь кажется прекрасной –
как майскому цветку,
что в удивлении пред ясностью природы
навстречу солнцу тянется блаженно.
Жизнь кажется прекрасной,

когда со мной ты рядом,
Грасьен,
свет моей души...

Алгар замолчал, не открывая глаз, и почувствовал прикосновение нежных губ к своей щеке. Он улыбнулся и забрал друга в объятия. Тот довольно зажмурился:
– Вот где действительно жизнь, – промурлыкал Грасьен. Потом, посерьезнев, тихо сказал:
– Мне всегда хотелось лишь одного – друга. Я придумал того рыцаря для того, чтобы любить его. Когда появился ты, я не мог этому поверить: как если бы мой рыцарь вдруг ожил, – Грасьен положил голову на плечо Алгара, и тот, ничего не говоря, прижался щекой к его волосам.
– Ты столько сделал для меня, – продолжал Грасьен. – До нашей встречи я был, как тень, отделенная ото всех и от всего, от этого мира и от того. А теперь я чувствую себя живым.

Он помолчал, после чего добавил:
– Иметь друга, любимого – это самое большое счастье. Когда он есть – есть всё, а если его нет, тогда ничто не утешит – даже вера.

VI

«Даже вера...» Алгар понимал это, и понимание казалось ему вероотступничеством. Разве может быть что-то важнее любви к Богу? «Оставь все и следуй за Мной». Грасьен не смог бы оставить и

отвернулся бы, как тот богатый юноша из притчи. Но – не отвернулся ли он уже, последовав за Грасьеном?

Алгар опять был один, и страхи вновь обступали его. День еще не угас, солнце мягко освещало сад, но его комната, с окном на восток, уже погрузилась в сумрак. Алгар беспокойно прошелся из угла в угол, постоял перед «суетностью», возвращенной на место, затем отошел к книжному шкафу, провел в раздумье пальцами по корешкам книг, ничего не выбрал, опустился за стол и придвинул к себе распятие.

Небольшое, выточенное из темного дерева, с начищенной серебряной фигуркой, оно было куплено им у антиквара два года назад и с тех пор стояло на столе. Так оно стояло, забытое, и в ту ночь, когда Грасьен был здесь... Алгар посмотрел в лик Распятого. Его глаза были закрыты. «Как будто Он не желает видеть меня», – подумал юноша, чувствуя, как сердце наполняется горечью. За эти два года Христос – или, точнее, Его маленький образ – стал близким и привычным, почти другом. Алгар мог подолгу смотреть на изображение, заставляя себя представлять крестные муки, как то делали монахи. У Франциска Ассизского от сострадания открылись стигматы; Алгар тоже хотел стигматы, зная, что, в отличие от святого, не сможет утаивать их и будет гордиться ими – знаком своей особой веры. Это вызывало угрызения совести, и он молил о прощении, подолгу простаивая на коленях перед Распятием, помещенным на край стола. Не ощущая ответа, он терзался еще более, пока, вконец утомленный, не отправлялся отдыхать, чувствуя себя грешным и ничтожным.

В его вере не было ни утешения, ни отдохновения, но только напряжение и усилие воли в стремлении верить так, как верили известные ему святые. Сам того не осознавая, он, переутомляясь в духовных упражнениях, отвращал себя от того, к чему стремился. И... усердствовал еще больше.

Теперь он сидел, положив голову на руки, и уныло смотрел на крест. Вот, что являлось средоточием его жизни до встречи с Грасьеном. И что стало ныне? Куда он идет? – в глухую нишу опустевшего монастыря своей веры, в вечную погибель! Алгар содрогнулся, вспомнив ужасы геенны, о которых читал у духовных писателей. Вечные муки!.. Он зажег свечу и робко поднес указательный палец к пламени. Маленький язычок чуть лизнул нежную кожу, и он тотчас отдернул руку. Даже этого он не может вытерпеть. Как же тогда он сможет претерпевать бесконечные муки в огне, который объемлет все его тело? Ему стало страшно почти до отчаяния. Он не желает вечно гореть в геенне, но как он может вернуть свою веру? Как он может оставить Грасьена?

Еще ночью мысль о необходимости расстаться мелькнула в его изнуренном разуме. Беззаботным вечером он забыл о ней, ибо рядом с Грасьеном возможность разлуки была непредставима, тем более – разлуки добровольной. Он слишком любил его, чтобы отказаться от счастья быть с ним, и слишком желал любить – жить. Любить и жить: эти понятия были для него неразрывны. Что бы ни внушали ему книги, о каком бы блаженстве созерцать Божество ни говорили, опыт одиночества оказывал большее влияние, и в созерцании возлюб-

ленного заключалось большее блаженство.

«Но ведь это заблуждение, заблуждение!..» – он стиснул в руках распятие и прижался горячим лбом к прохладной фигурке. «Все святые так или иначе утверждали, что нет жизни вне Церкви». Вне Церкви – вечная геенна, непредставимая, но ужасающая. Без друга – земное несуществование, знакомое и потому устрашающее гораздо сильнее. Что выбрать?

Два образа были перед ним: Христа, распятого ради его трансцендентального спасения, и Грасьена, избавившего его от действительного одиночества. Трансцендентальная Любовь, являющаяся источником вечной жизни, и его собственная любовь, являющаяся для него условием жизни. Как он мог выбрать? Алгар простонал, закусив губу. Да, он признает, что согрешил, полюбив человека более, чем своего Спасителя, но он не имеет сил на большее, чем это признание. Разве может быть что-то сильнее любви к другу?

Но где же брали силы для подвигов те, о ком он читал? Где брал силы святой Винцент, чтобы презреть боль? «Но то была телесная боль. Он страдал ради Того, Кого любил. А если бы его душу вот так, крюками?» Сила их всех была в вере – в любви ко Христу. Он от своей любви отступил. Как он мог что-то сделать, не любя?

Ради Грасьена он выдержал бы и крюки. Пусть бы разрывали тело, которое он никогда не берег, – его душа пребывала бы с любимым. Но какими крюками оторвать ее от друга? И зачем?

«Ради Христа, ради Христа...» – внушал он себе, укрыв лицо в ладонях. «Но зачем?» – спрашивала его любовь. «Затем, что Он Сам Любовь,

и нет никакой другой». – «Но ведь я есть. Что ты можешь на это ответить?» Он ничего не мог ответить. «Господи, выведи меня Сам», – прошептал он, медленно убирая руки с лица, чтобы посмотреть на распятие. Но в комнате было уже темно.

VII

И снова день, и снова успокоение рядом с Грасьеном. Когда Алгар смотрел в это одухотворенное лицо, в эти ласковые глаза, в глубине которых словно было сокрыто само таинство их любви; когда он касался этой кожи, осязая атласную гладкость, и приникал к губам – таким податливым и отзывчивым, тогда не оставалось никакого страха – по крайней мере, в сознании. В неопределенных уголках подсознательного таилось нечто осуждающее, как закрытые глаза Распятого. «Будь что будет», – думал Алгар и благодарно впитывал нежность Грасьена.

Грасьен что-то видел.

– Скажи мне, что с тобой происходит, – попросил он, когда они отдыхали у реки, искупавшиеся и удовлетворенные.

– Все хорошо, – беззаботно ответил Алгар, прикасаясь пушистой травинкой к руке Грасьена, лежавшего рядом с ним на боку. Тот с улыбкой отдернул руку и, посерьезнев, продолжил:

– Но ведь я вижу, что ты чем-то угнетен.

– Разве? – Алгар как будто в самом деле удивился возможности этого.

– Ты очень осунулся за несколько дней, – Грасьен привстал на локте и с беспокойством всмотрелся в его лицо. – У тебя ничего не болит?
– Нет. Я прекрасно себя чувствую, – Алгар снова потянулся к нему травинкой. Грасьен уклонился и сел.
– Но ведь что-то происходит... – задумчиво проговорил он. Затем склонился над Алгаром и легко провел рукой по его лбу. Алгар поймал его руку и поцеловал – сначала в ладонь, потом – каждый пальчик в отдельности. Ласковая улыбка осветила лицо Грасьена.
– Даже если в самом деле что-нибудь было нехорошо, – сказал Алгар, глядя на него с любовью, – рядом с тобой все прошло бы.

Он не хотел рассказывать Грасьену о том, что терзало его: ощущение почти сакральности его существа удерживало от этого.

Так продолжалось неделю: мир с Грасьеном днем и смятение перед крестом ночью. Алгар понимал, что должен сделать наконец выбор – выбор между Христом и... «Разве наша любовь не принадлежит к божественному? Разве в самом Грасьене нет чего-то небесного?» Однако не было ли обмана в этих ощущениях? Не могло ли самое низкое принять облик наиболее высокого, чтобы легче завлечь душу в свои сети – в прропасть ничто? Алгар вспомнил отшельников, которых осаждали прельстительные видения. «Но то были видения. Грасьен живой человек, и я сам вижу, каков он, и чувствую его любовь». А что если и в этом видении – видение? Все оказывалось настолько запутанным, что можно было только разрубить этот узел.

Но как? Алгар понимал, что не сможет сказать о своем намерении Грасьену. Рядом с ним все снова станет простым и приятным, чтобы после опять вернулся страх. Страх: он был повсюду, где не было Грасьена. Он таился в постели, куда Алгар забирался ночью; он присутствовал в любимых книгах, над которыми тот пытался забыться; он скрывался в саду, в который тот выходил отдохнуть... А его средоточием было распятие – с распростертыми, обнимающими руками Спасителя и закрытыми, презирающими глазами.

Алгар не мог выносить это долее. Не мог и признаться Грасьену в лицо. Что же оставалось? Алгар поразмыслил и взялся за перо. Он напишет ему, и страх закончится.

VIII

«Любовь моя, я пишу к тебе, потому что чувствую себя слишком слабым, чтобы говорить. Мои слова, несомненно, покажутся тебе странными, даже страшными, но ты должен прислушаться к ним.

Я уже узнал, насколько чиста твоя душа, тайно верящая, и хочу, чтобы она такой осталась и смогла обрести бесконечную жизнь. Однако некая тень легла на нее, как и на меня, показавшись легкой и приятной, но на самом деле тяжелая и уничтожающая: тень греха.

В нашей любви мы забылись, забыв то, что является источником нашего существования и нашего вечного спасения: Христа. Обратившись друг

к другу, мы отпали от Него – отпали от самой жизни. Вспомни, как тебя смутила «суетность», висевшая на стене. Она смутила тебя потому, что напомнила о бренности земного, которую ты, знаю, осознаешь, – напомнила в тот момент, когда ты желал этой бренности предаться. Вспомни, как устрашился я сам, заглянув в ту нишу. Устрашился оттого, что посреди своего благоденствия мне пришлось вспомнить о его ложности и о неизбежности вечного наказания. Так, знаки даны нам, и потому не может быть никакого сомнения в нашей неправоте и в необходимости искупления.

Покайся же! Покайся вместе со мной, чтобы получить прощения Того, Кто был распят ради нашего спасения. Подумай о Его муке. Подумай о Его крайнем одиночестве – ведь Он был покинут даже Отцом – и сопоставь это с нашим блаженством отступничества: не покажется ли оно тебе еще более низким, как насмешки тех ничтожеств перед Распятием? Подумай обо всем этом. И разве ты не придешь к тому же выводу, к которому пришел я?

Нам надо расстаться. Расстаться для того, чтобы вернуться к своему Спасителю – вернуть возможность своего вечного спасения.

Мне трудно писать все это, а тебе будет трудно читать и намного труднее – сделать. Но не было ли трудно Ему принять волю Отца и взойти на крест ради нас?

Я надеюсь, что мы оба найдем силы вернуться на верный путь».

Алгар посмотрел на исписанный листок, как на орудие убийства. «Это испытание моей веры, – подумал он. – Эта любовь – испытание любви к

Нему. Я любил Его на словах, вот же – дело». Он отбросил письмо, и оно легло краем на подставку распятия. «Прими – самое дорогое, что у меня есть...»

У Алгара кружилась голова, и во всем теле ощущался неприятный жар. Он с трудом поднялся, постоял, опершись ладонями о стол, в ожидании, пока летящее пространство успокоится, а затем медленно вышел из комнаты.

Внизу в этот час никого не было. Алгар открыл дверь, стараясь не шуметь, и выскользнул на улицу. Было облачно и тепло. Замерший сад чернел недвижимой массой. Алгар спустился с крыльца и бесцельно направился к деревьям. Влажный крупный георгин задел его руку. Алгар остановился и взял в ладони тяжелый цветок. Тот казался живым существом, которое доверчиво тянулось к нему. Мог бы он сломать его – просто так? Нет. А Грасьена – мог?

Алгар отпустил георгин и побрел вглубь сада. Птицы еще не пели, улицы были далеки и пусты, и оттого царила такая тишина, как будто все омертвело. Алгар в изнеможении опустился на траву под раскидистой липой. Сердце билось медленно и трудно, отдаваясь в ушах. «Грасьен, Грасьен, Грасьен», – звучала его кровь. «Грасьен!» – вполголоса позвал он в немую темноту. «Любовь моя!» Любовь – от начала и до конца. Любовь, которой жило его существо и которую он отталкивал ради непостижимой Любви на кресте. Ради своего и его спасения от вечных мук. Но разделение не будет ли их вечной мукой?

Алгару нестерпимо хотелось, чтобы Грасьен был рядом. Хотелось обнимать его, целовать и

ласкать, утоляя жажду красоты – непреходящей надмирной красоты... Знакомое томление овладело им, как мучительный зов. «Грасьен, Грасьен...» Только рядом с ним он ощущал себя живым. И это было видением? Что же тогда действительность? Что тогда земная действительность как не крестное страдание?

IX

Письмо было послано. Вскоре пришел ответ: «Приходи завтра в четыре часа пополудни на наше место. Я не боюсь говорить». Алгар понял, что Грасьен не согласился с ним и почувствовал облегчение, от которого ему стало стыдно. Теперь предстояло дело еще более трудное, чем составление письма. Стоя у стола в своей комнате, Алгар взял в руки распятие и всмотрелся в изможденный лик. Однако не лик Христа увидел он перед собой, но образ своей любви. Мертв был Распятый, мертво было пространство мира-креста, и только одна Любовь жила.

Алгар поставил распятие на место и схватился за лоб, как человек, испытывающий горчайшее чувство вины. Он явно проигрывал свое сражение и ощущал себя подобным безвольному листку, оторвавшемуся от ветки и преданному воле ветра. Боль разлуки и упоение свободой смешивались в его полете, и было безразлично, что впереди – только земля, это многовековое напластование праха всех минувших свобод, радостей и побед. «Прах ты и в прах возвратишься», но – через

восторг жизни и любви.

На другой день Алгар пришел к реке – готовый сдаться, но из гордости все же приберегший несколько доводов из средневековых писателей. Было пасмурно и тепло. Алгар осторожно отвел ветви, загораживавшие вход в его святилище. Грасьен стоял у самой воды, спиной к нему: неподвижный, уверенный и одинокий. Его белоснежная рубашка и темно-коричневые брюки были тщательно отглажены, а волосы аккуратно собраны в густой пучок, спускавшийся почти до середины лопаток. Вода перед ним казалась черной.

– Грасьен.

Голос Алгара был нетверд. Грасьен медленно обернулся, и сердце Алгара сжалось. Тот смотрел на него с таким сожалением, как смотрят на заболевшего любимого человека. Под глазами Грасьена легла темнота бессонных ночей.

– Я пришел, – пробормотал Алгар, словно пытаясь оправдать свое неловкое присутствие. – Ты хотел что-то сказать...

– Я был удивлен получить твое письмо, – спокойно заговорил Грасьен, глядя на него. – Любой может совершить странный поступок, но ты... – он усмехнулся. – Ты неподражаем. Я посмеялся бы от души, если бы дело не касалось нас.

Он начал медленно прохаживаться вдоль воды по песку, заложив руки за спину. Алгар стоял возле кустов в нерешительности, бездумно теребя в руках сорванную по пути травинку.

– Ты правильно понял, что я верю, – продолжал Грасьен все тем же ровным голосом. – Но я верю иначе, чем ты. Ты чего-то начитался, и чужие предположения стали твоей верой. Я же изучал

одно Евангелие. Ты смотришь в землю и не замечаешь, как прекрасно небо. А я хотел бы постоянно помнить о его красоте. Ты упоминаешь мое смущение перед твоей «суетностью». Однако я смутился не напоминания о тленности земных вещей – я смутился твоего невежества. Помнишь, я сказал, что для того, чтобы осознать бренность земного надо обращаться к вечному? Не через отвращение воспитывать в себе стремление к Истине, но через восхищение. Поэтому я удивился твоему испугу в монастыре. Сначала я решил, что ты слишком впечатлителен. Теперь я вижу, что ты просто не понимаешь некоторых вещей. Это было бы не так скверно, если бы ты не считал, что как раз понимаешь.

Грасьен остановился и внимательно посмотрел на Алгара, ожидая, что тот что-нибудь ответит. Алгар молчал, опустив глаза.

– Вспомни призыв из Евангелия: «Любите друг друга», – снова заговорил Грасьен, негромко и спокойно. – Вдумайся в это. Ради этого Христос взошел на крест. Ты считаешь, что Ему нужно все твое внимание. Но подумай, сколько в мире людей. Разве Ему нужна томящаяся толпа вокруг? Разве в этом смысл Его страдания? Разве в этом смысл существования человека?

– Но ведь созерцать Его в Вечности – это наивысшее блаженство, – упрямо пробормотал Алгар, искоса взглянув на Грасьена. – Значит, в этом смысл жизни.

На губах Грасьена заиграла насмешливая полуулыбка.

– Человек создан для любви с равным, – твердо произнес Грасьен. – Любовь – привязанность к

другому человеку – это величайший Божий дар. Сам Христос чувствовал привязанность к Апостолу Иоанну и этим благословил любящих.

Грасьен явно знал больше Алгара, и средневековые доводы начали покидать того. Однако он не желал легко сдаваться и потому парировал с вызовом:

– Возможно, ты прав. Но ведь тот, кто увлечен любовью, может легко забыть о Нем, – как забыли мы сами. Что ты на это скажешь?

Грасьен посмотрел на него прямо и негромко заговорил:

– Я чувствовал, что в наших отношениях есть нечто очень глубокое – нечто такое, что из-за своей значительности ускользает при попытке осознать это. В нашу первую ночь у меня промелькнула мысль, что рай – в объятиях друга, то есть такое блаженство должно быть в раю, рядом с другом. Постепенно я понял, что значительное – это обещание настоящей жизни, проблеском которой и началом была наша любовь.

Алгар смотрел на Грасьена в изумлении. Тот помолчал немного, после чего вскинул на него глаза и добавил взволнованно:

– Я каждый день благодарил Его за тебя. Даже во время ласк благодарил – всем своим существом, всей своей радостью. Никогда прежде Он не был так близок ко мне, как после нашей встречи. Это ты приблизил Его.

Алгар не находил ответа. Грасьен подождал и, понимая, что выигрывает, продолжил, снова почти бесстрастно:

– Ты прав: в Нем – источник жизни. Но жизнь не имеет смысла без любви. Именно ради любви

был создан человек, и в его счастье – благоволение Создателя. До тебя я не понимал этого так ясно – только чувствовал, что привязанность к другому важнее всего. От этого я отчаянно боялся смерти. Помнишь, я однажды сказал, что мы не думаем о смерти, когда нам хорошо? Я почти постоянно жил в страхе, что уйду, не встретив друга, и буду там один – всегда. Когда я встретил тебя, этот страх исчез.

Алгар отбросил травинку и стоял, не глядя на Грасьена, в смятении.

– Наша любовь была для меня откровением, – почти шепотом проговорил Грасьен и добавил с горькой усмешкой:

– А ты пишешь о каком-то грехе и о каком-то спасении!.. Даже если бы ты был прав, я предпочел бы недолгое счастье рядом с другом, чем вечное существование в одиночку. Я достаточно познал, что это такое, – его брови сдвинулись, и самообладание покинуло его.

– Спроси у тех камней, где обитал мой несуществующий рыцарь, сколько я плакал там о друге! – воскликнул он. – Спроси у этой реки, куда я уходил звать его! У Христа спроси, Которого я молил о нем!

Снова понизив голос, он спокойно договорил:

– Ты стал Его ответом.

Алгар молчал. Все было знакомо и оттого страшно. Он мог бы спорить с Грасьеном, мог бы спорить со своей любовью, но что он мог сказать против своего одиночества? Он поднял глаза на Грасьена. Тот смотрел на него со странной отрешенностью, как будто происходящее не касалось его. Однако Алгар видел, какого усилия стоило ему

это спокойствие: он был очень бледен, и даже его губы, обычно нежно-розовые, приобрели серовато-ватый оттенок. «Что было бы, если бы он сделал то, о чем я просил его?» – подумал Алгар. Святой Винцент презрел телесную боль из любви к Христу; Грасьен презрел душевную – из любви к нему. Он не старался переубедить Алгара, не настаивал на своей правоте: он просто говорил, оставляя за ним последнее слово, ибо он не желал нарушать его свободу. Но что мог сказать Алгар, глядя в это помертвевшее лицо, всегда столь живое, – на эту маску, скрывавшую знакомые чувства? «Покайся!» – оттого, что желал любить? Оттого, что не мог быть один?

Если бы Грасьен счел его правым, он наверняка нашел бы силы, чтобы его исполнить его просьбу: в этом Алгар не сомневался. То, что он сам создавал постами и бдениями, в том было создано одной его неумолчной молитвой о друге. Оба знали одиночество, но Алгар подменил идею друга деревянным распятием и слегка успокоился, тогда как Грасьен жил с оголенным осознанием своего одиночества и неестественности этого для того, кто наделен способностью любить. Оттого Грасьен был духовно сильнее и понимал больше, а если что-то еще не мог понимать, то чувствовал. Алгар был прав в своем мнении о чистоте его сущности и силе любить, которая, будучи неосуществленной, легко могла привести его к гибели.

Алгар нерешительно шагнул ему навстречу. Не был ли Грасьен одним из тех, кому открыто то, что недоступно мудрецам?

– Прости меня, – прошептал Алгар, глядя на друга так, как недавно смотрел в раскаянии на изобра-

жение Распятого. Грасьен замер в удивлении, и в его глазах засияла радость.

X

Близилась осень. У реки стало прохладно, и юноши теперь встречались в доме у кого-нибудь из них. Грасьен первым решился познакомить Алгара со своими родителями. Благородные манеры, знания и мягкость Алгара произвели на них чрезвычайно благоприятное впечатление, а они, в свою очередь, понравились ему. Родители Алгара так же хорошо встретили Грасьена.

– Какой очаровательный молодой человек! – с восхищением сказала мать Алгару после знакомства с Грасьеном. – И так прекрасно воспитан!

– Его знатное происхождение чувствуется во всем, – добавил отец. – Алгар не ошибся в выборе друга.

Все было хорошо, но юноши печалились оттого, что с началом занятий будут видеться реже. У Грасьена были домашние учителя, тогда как Алгар учился в колледже.

– Зато потом мы поступим в один университет, – заверил Алгар Грасьена, когда они однажды вечером сидели на диване в комнате последнего.

– Да, а когда получим образование, – подхватил Грасьен, – посвятим себя своему делу: я – музыке, а ты – литературе.

– И мы будем жить вместе, – мечтательно произнес Алгар.

– И уже никогда не расстанемся, – так же отозвал-

ся Грасьен.
– Пока один из нас не уйдет раньше, – чуть поник Алгар.
– Но потом мы опять встретимся! – успокоил его Грасьен. – И будем вместе вечно. Ты можешь представить такое блаженство?
– Могу, – благодарно улыбнулся Алгар, – когда ты – вот здесь, – и он заключил друга в объятия.

Ничто больше не томило Алгара. Он воспринял убеждения Грасьена – принял его веру, с облегчением отказавшись от того, что отягощало и изничтожало его собственную. Он отнюдь не был безволен: он просто нуждался в равном, слышащем и отвечающем, просто желал любить – человека. Это и было его верой, равно как и верой Грасьена. «Без любви нет смысла существовать», – был он убежден. «Смысл жизни – любовь», – утверждал Грасьен. Одно и то же – одиночество – открыло им одну и ту же истину; их различие состояло лишь в том, что Грасьен признавал одно Священное Писание, тогда как Алгар пытался найти некую форму для своей веры. Когда под влиянием любви к другу все чужие и чуждые мнения отпали, остался Бог – Предвечная Любовь, из Которой брала начало их собственная. Но даже если бы Алгар был уверен в своей правоте, это не дало бы ему сил оторвать свою любящую душу от того, кому его любовь была необходима. Как чистый цветок над мутным потоком мира, Грасьен потянулся к нему за теплотой: мог ли Алгар сломать его? Мог ли изменить себя, желавшего согревать? Мог ли обречь своего равного на то, что слишком хорошо знал сам?

Нет жизни без Бога, ибо Он – источник существования, но жизнь – ничто без друга, ибо только друг придает существованию смысл. Одиночество – это небытие для того, кто наделен способностью любить – этим величайшим и труднейшим из талантов.

29 сентября – 10 ноября 2013 г.

TABLE OF CONTENTS

The White Flower by the Dark Stream 5

Белый цветок над темным потоком (in Russian) 87

About the author

Olga Kawecka (b. 1987) is a historian, translator, poet, and prose writer. She speaks sixteen languages (English, German, Spanish, Italian, French, Swedish, Danish, Norwegian, Portuguese, Galician, Catalan, Latin, Aramaic, Pashto, classical Nahuatl, and Russian). She has authored twenty books, including seven collections of poems, a biography of Thomas Edward Lawrence (Lawrence of Arabia), an essay on the Dyatlov Pass incident, a photo book about the old Catholic cemetery in Grodno (Belarus), a collection of treatises on the life and works of the Swedish composer Joseph Martin Kraus and the German poet Johann Friedrich Hahn, etc.

Text, translation, design, and layout copyright © 2026 by Olga Kawecka

All rights reserved. No part of this work may be reproduced or utilised in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without the prior written permission of the author.